

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИСТОРИКОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
"АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА 6 "

Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этно-
лингвистические и культурно-исторические вза-
имодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны

18-22 октября 1988 г.

Тезисы докладов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИСТОРИКОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
"АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА 6 "

Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этно-
лингвистические и культурно-исторические вза-
имодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны

18-22 октября 1988 г.

Тезисы докладов

Москва 1988

Оргкомитет симпозиума:

д.и.н., проф. В.Н.Виноградов (председатель),
д.Ф.н. Л.А.Гиндин (зам. председателя),
И.А.Калужская (отв.секретарь), д.и.н. Е.С.Го-
лубцова, д.и.н. Н.Я.Мерперт, д.и.н. Д.С.Раевский

Редколлегия:

Л.А.Гиндин (отв. редактор), И.А.Калужская

Л.С.БАЮН

(Москва)

РАННИЕ ФРАКО-АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Новые данные о взаимодействии хетто-лувийских языков с реликтовыми балканскими в различные периоды их существования свидетельствуют о достаточно ранних контактах их носителей на протяжении II тыс. до н.э., а также, возможно, и на предшествующей стадии, определяемой как "преданатолийская".

Среди фракийских лексических единиц, обнаружающих продолжение в лувийско-ликийском ареале, особого внимания заслуживают формы, сопоставимые с клинописными лувийскими, ср. фрак. **Aξε-oxa* 'Темная вода' ~ лув. *a-aḫ-ša-a-ra*. К другому хронологическому уровню относятся такие фрако-ликийские лексические параллелизмы, как лик. *A -dewe* ~ дак. *-δαυα* 'город', лик. *A hrppi-* ~ фрак. **Arκησσος* (ГН во Фракии), **Arκασα* (ТП в Карии) при лид. *érfasti-* 'верхний', фрак. *Γαρκ-* (Гиндин 1981), соотносимые с другой западноанатолийской диалектной областью.

Выявляемые за пределами лувийско-ликийского ареала лексические сходства фракийского с анатолийскими языками пока единичны. Это ТП *πέργαμον*, *πέργαμος* (на зап. Эгейской Фракии), которые имеют отчетливую хеттскую (но не хетто-лувийскую) соптенесенность (хет. *rarg-*, но лув. *ratağa-* 'высокий'); фрак. **Αλδανες* (кастель) ~ хет. *aldanni-* 'источник' (при известной распространенности географических наименований с основой *alt-* здесь налицо сходство словаобразовательных моделей); фрак. *Βουρ-, Βυρε-, Βιρ-* и т.п. ~ лид. *vora-* 'человек; сын (?)' < **bhero-* (к развитию этимологического звонкого приудыхательного в лидийском ср. лид. *vrato-* 'брать' < **bhrāter*).

В свете предположения о хетто-лувийском населении западной Малой Азии во II тыс. до н.э. (из последних работ см. Jasinsk 1983; Quattordio Moreschini 1983) представляется возможным определить хетто-фракийские языковые связи как изохронные фрако-лувийским. Что же касается фрако-лидийской изоглоссы, то она, по видимому, является одним из свидетельств более ранней близости фракийского и отдельных хетто-лувийских диалектов в период, для определения которого можно условно использовать термин "преданатолийский" (Гиндин 1981).

В. ВЕЛКОВ
(София)

К ПРОБЛЕМЕ ПЛЕМЕН ВО ФРАКИИ
В КОНЦЕ II - НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

Р. ГЕОРГИЕВА
(София)

ПОМИНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ВО ФРАКИИ
(КОНЕЦ II - I ТЫС. ДО Н.Э.)

Данные источников о погребальной практике фракийцев очень скучны, однако они все же позволяют выделить несколько основных моментов фракийских похорон: в течение трех дней покойника оставляли на видном месте, потом его оплакивали, совершили жертвоприношение, за этим следовал погребальный пир, после которого покойника относили к месту захоронения, совершаемого через трупоположение или кремацию. Все сказанное относится к погребению представителей знати, однако устойчивость подобной практики предполагает ее применение и при захоронении людей, принадлежавших к другим общественным прослойкам, хотя, возможно, и с небольшими отклонениями.

Принято считать, что фракийцы верили в бессмертие, но, как показывают результаты последних исследований, во Фракии существовали различные представления о смерти и загробном мире. В большинстве своем фракийцы жалели о мертвых. Живые поддерживали связь с ними, так как верили, что когда-нибудь они вернутся, или оказывали им определенные почести; в сознании фракийцев мертвые занимали более высокое положение, чем живые.

Поминальная практика была исключительно разнообразной, но в общих чертах выражалась в воздаянии почестей умершим и посещениях их могил. С уверенностью можно говорить о существовавшем во фракийской поминальной практике обычай чествовать покойника на третий день после смерти, а также через год. Чествование умерших на третий день, когда устраивались разные игры, может рассматриваться как завершающий акт, знаменующий, с одной стороны, преодоление умершим определенного этапа его пути, а с другой - начало возвращения живых к нормальной жизни.

При обследовании захоронений зарегистрированы обряды,

которые свидетельствуют, что живые часто посещали могилы: речь идет об оформлении надгробной насыпи (за редким исключением курганы во Фракии периодически досыпались), кормлении мертвых (остатки сожженной пищи на могиле или около нее), жертвоприношении (выкапывание ритуальных ям в курганной насыпи, разжигание огня около могилы, возлияния и т.п.). В некоторых случаях героизация покойников приводила к превращению мест их захоронения в герооны.

Л.А.ГИНДИН
(Москва)

ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ ФРАКОЛОГИИ В КОМПЛЕКСЕ ПРОБЛЕМ ИНДОЕВРОПЕИСТИКИ

I. Фракология в послевоенные годы и по сей день переживает стремительный и равномерный прогресс во всех составляющих ее основных дисциплинах: археологии с искусствоведением, филологии, истории, языкознанием. При этом синтез результатов указанных разделов гуманитарного знания во фракологии, по сравнению с индоевропеистикой, представляющей реконструкцию более общего порядка, осуществляется достаточно однозначно, так как атрибуция конкретных фактов материальной культуры и свидетельств письменной греко-римской традиции (литературные памятники и надписи) облегчена компактностью территории, к которой они хронологически и топографически приурочены.

Тем не менее в индоевропеистике, как это мной неоднократно отмечалось, наблюдается очевидная недооценка фракологических данных. Это связано с тем, что индоевропеистика по ряду причин сложилась и преимущественно остается лингвистической дисциплиной, а факты фракийского языка, сохранившегося в ущербном виде (т.н. ономастические языки) не могут быть использованы в реконструкции всех уровней и.-е. праязыка. К тому же работа с ономастическим материалом предполагает владение специфической методикой ономастической этимологии. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы фракийского языка (фонетика, в незначительной степени морфология имени, ономастическая лексика, а также реконструкция немногочисленного словаря обычной лексики) могут и должны сыграть важную роль в ареальной и.-е. диалектографии, поскольку фракийский по степени сохранности является самым репрезентативным языком древ-

небалканской переходной зоны, представляющей своего рода связующее звено между областями к северу и северо-западу от Карпат и Анатолией. В последнем смысле особенно знаменательны фрако-балтийские языковые сходства (видимо, генетические), с одной стороны, и фрако-хетто-лувийские (видимо, ареальные), с другой.

2. К сожалению, как правило не придается должного значения фактам историко-филологического порядка. При этом забывают, что фракийцы (вместе с некоторыми другими балканскими народами), наряду с греками-ахейцами и хетто-лувийскими племенами засвидетельствованы в самых ранних письменных памятниках на индоевропейских языках, а именно, в Илиаде, в своей фольклорно-эпической основе восходящей к XIII в. до н.э. К этому же периоду относятся первые упоминания фракийских по происхождению ключевых гом. топонимов Троїса и "Іллюс/-ов", соответственно хет. Taruiša и Wilušija resp. Wiluša – первые две формы в Альбионах Тудхалияса IV (ок. I250-I220 гг. до н.э.); последняя форма в договоре Муватталиса (около I306-I282 или I325-I305 гг. до н.э.) с Алаксандусом из Вилусы; ср. еще форму Drdnj = гом. Δρόδανος в египетском тексте, посвященном битве при Кадеше (XIV-XIII вв. до н.э.). Ряд фракийских, в том числе гом. топонимов и антропонимов фиксированы табличками линейного В (Duridanov. - LB XXVII, I с литер.). Согласно моим последним результатам, полученным на основе лингвофилологической интерпретации гомеровских и хеттских текстов (ср. также работы В.Л.Цымбурского), ахейские греки (хетт. Aххиява) воевали с Троей, населенной помимо преимущественно фракийцев (собственно троянцы и дарданцы), также лувийцами (ликийцы Зелейи), сохранившимися в виде островного этнического вкрапления по крайней мере с Трои II (приблизительно 2500 г. до н.э.) после продвижения основной массы лувийских племен через Геллеспонт на юго-запад и юг Анатолии в места исторического обитания. Микенская колонизация Западной Анатолии, последовавшая непосредственно за минойской, достигла р. Герм, протекающей на границе Мисии и Лидии (см. карту микенских археологических находок Гетце по Биттелью в Proceedins APs I28, 2, 1984, р. 115; самая северная точка, не считая Гиссарлыка, – г. Питана в устье р. Каик). На этой линии микенская колонизация греков была остановлена фракийскими и фригийскими племенами, плотно

заселявшими в этот период все районы сев.-зап. Анатолии от Лидии до Мраморного моря, что недвусмысленно подтверждается эти-мологией гидронимов и топонимов указанного ареала, составляющего вместе с фракийскими областями к северу от Геллеспонта своего рода непрерывное ономастическое пространство.

З. Лингвистическому и историко-филологическому единству юго-востока Балкан и сев.-зап. Анатолии, столь рано засвидетельствованному в письменных источниках, вполне соответствуют археологические данные, предполагающие единство материальной культуры указанных территорий, представляющих на протяжении III и начала II тыс. до н.э. в значительной мере однородный ареал. Высказанное положение веско подтверждается синхронизацией результатов раскопок многослойных поселений на территории Болгарии в Эзере и Юнаците с слоями Трои на Гиссарлыке. В этой связи необходимо указать на серьезные проблемы, связанные с Троей VI в ее отношении к Балканам. Ряд ученых склонны считать этот слой фракийским, о чем говорит и лингво-филологический анализ топо- и гидронимии Троады, хотя ее археологическая и этническая монолитность весьма дискуссионна в свете исключительных связей Трои VI с греческим миром (Блеген, вслед за ним Меллаарт, на основе сероминской и микенской керамики). По мнению археологов, исследовавших Эзеро и Юнаците (Н.Я.Мерперт и др.) континуитет их археологических культур, начинаяющихся в раннебронзовом веке (третья четверть IV тыс. - I7 горизонт Юнаците, Эзеро A I), выражаясь в определенной преемственности культурного развития, продолжается вплоть до начала железного века, т.е. до формирования исторически засвидетельствованного фракийского этноса. Очерченный ареал, условно обозначаемый как "протофракийский", в силу расположения мест раскопок на территории исторической Фракии, с неменьшим успехом правомерно признать и одним из очагов праиндоевропейской культуры, поскольку археология пока еще не в состоянии этнически дифференцировать индоевропейские древности для такой ранней эпохи (конец IV-III тыс. до н.э.). Это положение естественно распространяется и на Гиссарлык, за исключением Трои VI, где также не имеется возможности разграничить фракийские и лувийские археологические древности внутри однотипной (евен-

туально праиндоевропейской) культуры.

4. Ликийско-(в реконструкции лувийско-)фракийский этно-лингвистический симбиоз, нашедший отражение, помимо историко-филологических свидетельств Илиады, в топонимике Троады, является прямым продолжением ареальных контактов лувийцев и фракийцев в доанатолийский период, локализуемых в восточном регионе Балкан и сопредельных территорий южнорусских степей, примыкающих к ним с северо-востока, о чем мне уже неоднократно приходилось писать. Для фрако-лувийских изоглосс, воплотивших отмеченные этнические взаимодействия, характерно вхождение (прото)фракийской топонимики, принадлежащей к древнейшему и.-е. языковому слою на Балканах, доступному лингвистическим методам проникновения в доисторию и являющемуся поэтому практически "автохтонным", во всяком случае в хронологических рамках конца II-III тысячелетий до н.э. (период раннеbronзового века на Балканах).

5. Изложенный комплекс лингво-филологических и археологических фактов, имеющих благодаря последним достаточно однозначные абсолютные хронологические и географические рамки, могут служить отправным пунктом в решении проблем праиндоевропейской диалектографии и реконструкции в этих параметрах какого-то фрагмента истории праиндоевропейского языка и пракультуры, постулируемых в западной части Циркумпонтийской зоны (гевр. восточной периферии Средиземноморья), включающей в себя Балканы (от Адриатики до Черного моря), северо-западные районы Анатолии и степные пространства Северного Причерноморья.

Высказанные соображения отчетливо показывают первостепенное значение фракийских данных в кругу дисциплин, на которые должна опираться современная индоевропеистика в области реконструкции ареальных аспектов индоевропейского праязыка и соотнесении с ним конкретных археологических культур.

З.ГОЧЕВА
(София)

ПРОБЛЕМЫ ФРАКИЙСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
(НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ И КОСВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ,
ПОВЕСТВУЮЩИЕ О ФРАКИИ И ФРАКИЙЦАХ)

Основной трудностью, с которой сталкиваются источниковеды при работе с фракийским источникоматериалом, является отсутствие письменности у фракийских племен, а следовательно и отсутствие местных источников. Это обязывает ученых, занимающихся подобными проблемами, с исключительным вниманием относиться к тем сведениям, которые сообщают греческие и римские авторы. При этом в процессе подбора материалов следует учитывать различные факторы, обуславливающие достоверность сообщаемых сведений, а именно: тенденциозный подход самих авторов, недостаточное знание и понимание фракийской культуры, политическую обстановку и т.п.

Особенно серьезную проблему в этом отношении представляют Малая Азия и связанные с ней источники. Многие из них так или иначе непосредственно связаны с Фракией и ее культурой и их несомненно необходимо использовать. Иначе обстоят дела, когда речь идет о наиболее ранних сведениях из района Средиземноморского бассейна второй половины II и начала I тыс. до н.э. К общей культуре этого региона принадлежит и Фракия, население которой принимало деятельное участие в его развитии и формировании. Особый интерес для нас в данном случае представляет вопрос о том, какой именно вклад внесла в этот процесс Фракия и какие сведения (в большинстве своем мифологические) можно прямо или косвенно связать с ней. Очень часто для этого можно использовать данные о более позднем развитии фракийской культуры, данные археологии или некоторые, на первый взгляд, совсем неясные и ненадежные сведения. Исключительно важное значение для нас имеют как раз такие сведения и их отношение к Фракии, которое мы можем установить и доказать.

В античной литературе Фракия не случайно связывается с легендарными гиперборейцами и их религией, с Орфеем и орфической доктриной, с создателями музыки и поэзии, с одним из мифологических основателей Элевсинских мистерий и т.п. Все это имеет свои корни во фракийской культуре и собственное объяснение при рассмотрении тех данных, которые мы об этой куль-

туре имеем. На основе сказанного можно заключить, что у нас есть все основания значительно расширить круг античных сведений, представляющих интерес как источники при изучении истории и культуры древней Фракии.

Хр.ДАНОВ
(София)

ЗАПАДНАЯ МАЛАЯ АЗИЯ И ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ
ПО БЕРЕГАМ ДРЕВНЕЙ ФРАКИИ

И.ДУРИДАНОВ
(София)

ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ
ВОПРОСОВ ЭТНОГЕНЕЗА

В.Д.ДЯЧЕНКО, Ю.А.ШИЛОВ,
Н.Д.ДОВЖЕНКО (Киев)

ОСНОВНЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ ДРЕВНЕЙ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(ПО НЕКОТОРЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ
МАТЕРИАЛАМ)

1. Отсутствие источников древнейшей письменности в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе выдвигает на первый план комплексный анализ археологических и антропологических данных, являющихся косвенными свидетельствами для изучения соответствий этнокультурных общностей региона основным языковым семьям: индоевропейской, (северо)кавказско-баскской, уральской (уральско-североевразийской). Изучение истории и взаимодействия этнокомпонентов (в том числе лингвистически ассимилированных другим этносом) с их тремя основными характеристиками – языковой, археолого-этнографической, антропологической, необходимо при комплексных этногенетических исследованиях.

2. От мезолитических свидерской и постсвидерской культур ведут происхождение лесные культуры гребенчатой керамики, распространенные от сев.-восточной Польши далеко на восток. В зап. части ареала П.Аристэ выделил субстрат североевразийского языка (Аристэ 1971), финнонизированного носителями ямочной керамики – потомками мезолитической песочноровско-иенев-

ской культуры, охватившей территорию от верховьев Днепра до верховьев Волги (Зализняк 1984; Смирнов 1986). В антропологии перечисленных культур преобладали массивные широко- и низко-лицевые варианты кроманьонских типов (резко отличных от узко- и высоколицых типов индоевропейцев и северокавказцев), наличие которых в составе отдельных популяций (на средневековой Киевщине, особенно в лаврской серии, у части фатьяновцев – протославян (Ткаченко 1985) позволяет ставить вопрос о североевразийском компоненте в их составе.

3. Периферийный древнеевропейский пласт гидронимики выделен в ю.-зап. и центральной Белоруссии (составляющих особую этнографическую, диалектную и популяционно-генетическую зону) и наПравобережье Среднего Днепра (материалы И. Железняк). На Левобережье обнаружены северокавказские гидронимы (Стрижак 1963). В Нижнем Поднепровье немало археологических находок кавказского происхождения (Шапошникова и др. 1961, 1977). Краниологически индоевропейцы и северокавказцы близки, но одонтологически индоевропейцы Средней Европы принадлежат к среднеевропейскому типу, а исследованные северокавказцы и южные индоевропейцы – к южному грацильному одонтологическому типу, что может быть свидетельством северокавказского субстрата у последних.

4. Некоторые исследователи ретроспективно выводят основные языковые семьи, а порой и их главные группы, из энеолита. Преемственность его этносов зафиксирована для Среднего Подунавья и Центральной Европы (Мерперт 1984) и, в значительной мере, для Правобережной и Западной Украины – где на позднетрипольской основе с включением степных и других компонентов сформировались культуры шнуровой керамики, антропологически близкие к трипольцам Бильче Злoto (на Тернопольщине). Из местного степного мезолита идут антропологические истоки племен энеолита и бронзы Северного Причерноморья (Крук 1972), где в III тыс. до н.э. сформировалась индоиранская общность. Последнее вытекает из данных гидронимики и топонимики (Трубачев 1976 и др.), а также из реконструкций мифотворчества, заключенного в курганах (Шилов 1977, 1982 и др.). Реконструируется, в частности, образ Пуруши, представленный жертвоприношениями, вытесняемыми затем антропоморфными стелами, кромлехами и другими сооружениями. Прослежено, что в формировании индоиранцев

приняли участие местные носители среднестоговской и ямной культур, а также выходцы с кавказского (куро-аракская и майкопская) и балканского ареалов (трипольская и гумельницкая культуры). В западной части этой общности (буджакская культура, материалы по которой собраны Зиневич и Сегедой) основными являются варианты дунайско-индского, относительно высокого и узкоголового типа (Дяченко 1986), распространенного в раннем и среднем неолите в северо-западной Болгарии, в Румынии (культуры Криш-Старчево, Хамаджия, Боян) и энеолите этого района (культуры Гумельница, Триполье), а также в энеолите Северного и Южного Кавказа и Южного Прикаспия. Истоки типа, видимо, фиксируются в позднем палеолите Чехословакии. Восточную часть Северных Балкан, часть Среднего и все Нижнее Подунавье, Нижнее Поднестровье и раннебронзовый период занималаprotoфракийская буджакская культура, сформировавшаяся (Черняков 1978) на основе Гумельницы и позднего Триполья (Усатово) с включением ямного и кеми-обинского компонентов. Особенности монументальных изваяний в погребальном обряде буджакцев семантически сопоставимы с рядом зоо- и антропоморфных синcretических образов позднетрипольской, в частности усатовской, пластики (Довженко 1988). Поэтому, учитывая также антропологические данные, проблема ассимиляции доиндоевропейского населения индоевропейцами на рубеже энеолита и ранней бронзы (Мерперт 1984) требует в ареале буджакской культуры дополнительного изучения.

ВЯЧ.ВС.ИВАНОВ
(Москва)

О СООТНОШЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРГУМЕНТОВ ПРИМЕНЕЛЬНО К РОЛИ БАЛКАНСКОГО АРЕАЛА

Согласно модели миграций индоевропейских диалектов, предложенной автором вместе с Т.В.Гамкрелидзе в книге "Индоевропейский язык и индоевропейцы", балканский ареал был одной из зон вторичного расселения индоевропейцев, двигавшихся из первичного переднеазиатского (ближневосточного) очага. В последнее время в пользу этой точки зрения высказывается и К.Ренфью (C.Renfrew), который в книге "Язык и археология" (1987г.) указал на сходное направление (из Анатолии через Балканы в Центральную и Западную Европу) распространения сельскохозяй-

ственных открытий. Кроме тех археологических данных, которыми Ренф्रю мотивирует принятие такого пути (по его гипотезе как для сельскохозяйственных достижений, так и для языков), следует отметить и хорошее совпадение с тем путем продвижения из Малой Азии древнейших типов колесниц, который реконструируется, в частности, рядом венгерских археологов (в этом случае предполагается большая древность северобалканских типов по сравнению с восточноевропейско-севернокарпатскими). В случае колесниц, как и в случае сельскохозяйственных достижений, Балканы бесспорно являются транзитной (а не исключительной) территорией для распространения конкретного открытия. Помимо общего совпадения с предполагаемой лингвистической реконструкцией пути распространения, следует отметить и то, что сами денотаты, о распространении которых идет речь, — злаки типа ячменя, и колесные повозки, имеют общепроизводственное обозначение и играли определенную роль в культуре индоевропейских племен, судя по языковым и экстралингвистическим данным.

Насколько оправдана методология восстановления путей переселения носителей языков на основании изучения направления усвоения технологических достижений, предлагаемая Ренф्रю? По-видимому, существенное значение должна иметь функция соответствующих достижений. Поскольку новые способы ведения хозяйства, становившегося значительно более эффективным, вели к изменению социальной структуры, задачу можно считать более сложной: речь идет о наложении друг на друга некоторой модели, касающейся культурной и социальной структуры, но построенной на основе археологических фактов, и модели собственно лингвистической, включающей также и реконструкцию некоторых из тех же элементов структуры общества. Если в собственно лингвистические реконструкции по существу входит (или из них вытекает) и распространение тех же денотатов, которые в сходном историко-географическом контексте изучаются археологами, то взаимное наложение двух моделей получает достаточно высокую степень достоверности.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ "КИММЕРИЙСКОЙ" ТОПОНИМИИ
БОСПОРА

Упоминаемые у Геродота и более поздних античных авторов "киммерийские" топонимы Северного Причерноморья расположены на небольшой площади, непосредственно примыкающей к Босфору Киммерийскому; все они вторичны, производны от названия пролива и принадлежат исключительно греческой среде (ср. Тохтасьев 1984). Узкая локальная ограниченность этой топонимии, подразумевающая такую же ограниченность связанной с ней боспорской традиции, требует особого объяснения. Можно было бы считать, что таким объяснением является реальное пребывание здесь киммерийцев, однако в этом есть серьезные сомнения, и во всяком случае такое объяснение не единственно возможное. Как показывают многие аналогии, наиболее обычным фактором, вызывающим появление локализации киммерийцев где-либо в греческом мире, является существование там прорицалица мертвых (*χειρομαντεῖον*) у входа в Аид. Такая локализация, основанная на толковании текста Гомера, возникла в италийских Кумах, у Гераклеи Понтийской и, возможно, в Гиераполе Фригийском. Святыни у входа в царство мертвых, как правило, в особенности в Малой Азии, связаны с культом Великой богини (матери богов). Связь этого культа с киммерийцами подтверждается одной гласной Гесихия (κίμμερος θεά). Подобный культ женского божества местного происхождения с самого раннего времени был чрезвычайно популярен на Боспоре, в особенности в его азиатской части, причем это божество отождествлялось с разными богинями (Афродитой, Артемидой, Гекатой, Кибелой, Деметрой) и почиталось под более нигде не известным именем Дитагои. Данный культ носил ярко выраженный хтонический характер. Особенно важно, что главные святыни таманской богини находились в местах, известных выходами подземных газов и грязевых вулканами (гора Бориса и Глеба, Майская гора, видимо, Горелая), что, как известно, для греков было признаком входа в Аид. Эти данные, видимо, свидетельствуют о том, что культ боспорской богини был связан со входом в царство мертвых, который помещался на Азиатском Боспоре (возможно, иногда и на европейском, где также есть серные источники, выходы газа и вулканы).

В раннее время традицию, складывающуюся вокруг Боспора, формировали и представления о том, что Черное море – это часть Океана. Наличие традиции о том, что на Боспоре существовал вход в Аид, причем он помещался на берегу Океана (или позже – поблизости Океана), достаточно для появления "киммерийской" топонимии и локализации в этих местах киммерийцев. Совершенно аналогичным образом подобные представления вызывали появление локализации киммерийцев в Гераклее и итальянских Кумах. Таким образом, "киммерийская" топонимия на Боспоре не обязательно свидетельствует в пользу историчности локализации киммерийцев в этих местах.

К.ЙОРДАНОВ
(София)

THRACO-SCYTHICA: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНЦЕ VI – СЕРЕДИНЕ I В. до Н.Э.

В специальной литературе по-прежнему существует повышенный интерес к вопросам, касающимся политических отношений между фракийцами и скифами, поскольку нередко эти отношения служили определяющим фактором в процессе взаимодействия между древними народностями европейского юго-востока.

Начало первого этапа этих взаимодействий относится к последним двум десятилетиям VI в. до н.э. и является непосредственным результатом экспедиции Дария I в Европу. Военно-политический крах "царя царей" позволил скифам окрепнуть и усилить свои экономические и политические позиции к югу и юго-западу от дельты Дуная. Именно здесь находилась контактная зона, где происходили политические и дипломатические взаимодействия между фракийцами и скифами. В этом районе был заключен мирный договор между первым известным одрисским владетелем Тересом и царем скифов Ариапифом. Произошло это в самом конце VI или первом десятилетии V в.до н.э. Если верить сведениям, приведенным в "скифском логосе" Геродота и если сопоставить их с имеющимися археологическими и нумизматическими материалами, то можно заключить, что фракийцы (одрисы) и скифы поддерживали политические отношения в течение всей первой половины V в. до н.э.

Кроме прочего, Геродот подробно рассказывает и о конфликте между владетелем одрисов Ситалком и скифским царем Октамасадом. Причиной конфликта были внутридинастические распри.

Спор, однако, был разрешен мирным путем и примерно в 450 г. до н.э. владетели заключили договор о мире. Этот договор ознаменовал конец первого этапа фрако(одрисо)-скифских политических отношений.

В течение следующего этапа этническое и политическое влияние скифов к югу от Дуная постепенно усиливается. Особенно ярко это проявляется при царе Атее (40-е годы IV в. до н.э.). Данные источников позволяют исследователям высказывать и противоречивые точки зрения относительно характера отношений фракийцев (гетов, трибаллов, одрисов) со скифами в этот период. Кроме того, не следует забывать о том, какой была политика отдельных колоний, расположенных вдоль северного и западного берегов Понта, и особенно военно-политические кампании македонского владетеля Филиппа II, стратега Александра Великого во Фракии и диадоха Лисимаха. Во время этих многочисленных военно-патриотических конфликтов (между 339 и 309-308 гг. до н.э.) фракийцы и скифы были главной силой, оказывающей сопротивление македонянам в их стремлении обеспечить экономическое и политическое господство в стратегически важной контактной зоне вдоль западного и северного побережья Понта и на прилежащих территориях.

Третий этап фрако-скифских отношений, сравнительно спокойный и бесконфликтный, приходится на III и II вв. до н.э. К югу от Дуная зарегистрированы и исследованы находки монет, чеканенных шестью царями скифов (Азлис, Акросса, Гарасп, Канит, Сариак, Тануса) во II в. до н.э. Однако, наличие этих монет на территории колоний добруджанского побережья не может служить надежным доказательством политической гегемонии скифов в районе между Дунаем и Стара-Планиной. В III и II вв. до н.э. в нынешней северо-восточной Болгарии и Добрудже существовало несколько центров политической жизни гетов, что доказывают сведения, приведенные в исторической традиции, археологические материалы, в том числе клады, многочисленные находки монет и две надписи из Истрии, датированные концом III и первыми десятилетиями II в. до н.э., в которых упоминаются гетские басилевсы Залмодегикос, Ремакс и архонт Золтес.

Четвертый этап фрако-скифских политических отношений датируется I в. до н.э. Их расцвет в этот период приходится на годы царствования гетского владетеля Буребисты. Примерно в 55

г. до н.э. за сравнительно краткий срок он смог обеспечить постоянный военно-политический контроль в прибрежной зоне от Ольвии до Месембрии. После смерти Буребисты независимые гетские династии были вынуждены вести тяжелую и изнурительную борьбу с римскими легионами, в то время как социальное и политическое развитие скифской державы протекало своим путем.

Н.Н.КАЗАНСКИЙ
(Ленинград)

МИКЕНСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ПИСЦА

Прямо в микенских текстах должность "писца" не зафиксирована, но в надписях на диалектах, для которых микенский послужил субстратом, можно обнаружить одну закономерную странность, позволяющую достаточно уверенно говорить о заимствовании этого слова из микенского.

Форма *γροφεbs* рассматривается, как правило, как дорийская и аркадская диалектная черта (LSJ). Ареал распространения формы с такой огласовкой корня широк: Микены, Аргос, Стимфал, Гераклея (спартанская колония), о-в Мелос.

Любопытно, что формы *γροφ-/γραφ-* соседствуют в одной надписи, ср. DGE 90, 2 ἐπὶ γροφέος, 10 γράφει, 19 ἀνγράφας ἔνς στόλαν, 24 π]δρ τῶν ταμιᾶν τῶν μετὰ γροφέα (Аргос III в. до н.э.), а также Гераклейские таблицы.

Для этих случаев диалектной вариативности характерно то, что глагол повсеместно употребляется с закономерным "дорийским" рефлексом *γ > ρα*, а существительное, обозначающее лицо, чьим делом было "писать" в нескольких ареально близких областях Пелопоннеса обозначается термином с закономерным для микенского отражением *γ > ρο*. Написание *γροφεον* в текстах о-ва Мелос следует интерпретировать как вариант к *γροφεbs*, а не как глагольную форму (Bechtel).

Сохранение слова, обозначающего "писца", в бесписьменный период "темных веков" греческой истории может объясняться храмовой традицией, на которую, помимо общих соображений об устойчивости ряда микенских культов в Пелопоннесе, указывает и гlossen Гесихия *γροφεbs ζωγράφος*. Можно думать, что в период "темных веков" *γροφεbs* стал храмовым художником, а затем, когда появился алфавит, вернулся к обязанностям писца.

В.П.КАЗАНСКЕНЕ

(Ленинград)

МИКЕНСКИЙ ТЕРМИН Е-QE-TA

Изучение любого микенского термина, обозначающего должностное лицо, преследует две цели: 1) осмыслить социально-политическую структуру греческого общества II тыс. до н.э. и 2) установить преемственность от микенской к античной Греции.

Сравнительно хорошо засвидетельствованное в пилосских и кносских табличках слово е-qe-ta этимологически обычно связывается с греческим глаголом ἔκοπας 'следовать, сопровождать' (и.-е. корень *sekʷ-), получая словообразовательное значение 'идущий вслед, сопровождающий'.

При общем согласии исследователей в том, что е-qe-ta – микенское должностное лицо высокого ранга, мнения о сфере его деятельности расходятся: указываются военная, религиозная, административная или их комбинация, например, 'жрец, сопровождающий войско'; иногда интерпретируют как дружину царя (перечень существующих взглядов см.: Dicc. micénico, 1985, s.v.).

Признавая наиболее правдоподобным определение З.Дегер-Ялкотци, согласно которой экветы – это дружины ванаки, еще не успевшая развиться в государственный институт, следует все же подчеркнуть два обстоятельства: 1) надструктурный характер должности, на что указывает в частности формулировка "и вместе с ними эквет" в пилосских "о-ка таблицах"; 2) будучи представителями центральной власти, всей своей деятельностью они связаны с отдельными регионами. С выводом Дегер-Ялкотци о том, что эквет в постмикенское время утратил социально-политическое содержание и остался только в литературной традиции, на наш взгляд, согласиться нельзя. Из очень немногочисленных репликов, связанных с микенским е-qe-ta следует выделить особо: I) ἑπέτας у Пиндара (Pyth. V, 4) в эпиконии на победу в колесничных ристалищах последнего царя Кирены Аркесилая II, где богатство определено как "спутник" доблести. Характерен эпитет, характеризующий богатство: εὐρυσθενής, применяющийся обычно только к божествам и героям; ἀρέτη (сочетание с которой позволяет богатству стать εὐρυσθενής), несомненно означает эпическую воинскую доблесть; значение глагола ἀνδύη здесь скорее из области военной, чем повседневной. В таком контексте ἑπέτας обычно переводимый как 'друг, спутник' по

содержанию сопоставим с гомером. *Έταρος* – человеком из дружины басилея. 2) ή ἐπέτις (Apoll Rhod III, 666) по значению сопоставимо скорее с гомер. *θερβάνων*. Эти семантические сопоставления позволяют до некоторой степени восстановить содержание микенского термина. 3) Глосса Гесихия ἐκέταις κιβλουθος, θερβοντες. *Ἐκέταις οἱ τὰς φονικὰς δίκαιας δικαζούτες* особенно важна из-за второй части толкования, объединяющей *ἐκέταις* с эфетами. Институт эфетов сохранялся в Афинах, где эфеты составляли особую комиссию, под руководством архонта-басилея решавшую особые дела об убийствах в прихрамовых судилищах. Консервативность права и правовой терминологии общезвестна, поэтому можно думать, что Гесихий засвидетельствовал не только формальное соответствие слова, но и следы содержания мик. термина *ε-де-та*. Особенно примечательно, что эквиваленты сохранились при архонте-басилее (отождествление *βασιλεύς* и мик. местного должностного лица *ча-si-ge-i* несомненно). Сочетание в одном слове намеченного круга значений нуждается в подкреплении. Приведем следующие параллели: от глагола *κιβλουθέω*, сменившего устаревшее *ἔπομα*, образованы *κιβλουθεῖς* 'сопровождающие, свита' *κιβλουθος* 'спутник, сопровождающий, слуга, обозные в армии'. Аттические эфеты кроме религиозно-юридического (IG² 115; Decr. ap. And. I 675; возможно, Aristot. Ath., 57, 4) и чисто юридического, сохранившегося до новогреческого 'член апелляционного суда', обладали также и военным значением, ср. у Эсхила (Pers. 79) 'командующие'.

Обобщая сказанное, можно предположить, что микенский эквивалент совмещал политические, экономические и военные, а также и религиозные функции, представляя царскую власть на местах. После крушения микенских дворцов, приведшего к разрыву важнейших связей центральных властей с местными правителями, эквиваленты примкнули к последним. Дольше всего термин сохранился в Афинах, менее других областей Греции затронутых волной разрушений конца II тыс. до н.э., где эфеты обладали религиозно-юридическими функциями. Возможно, в упомянутых строках Пиндара (в поэзии которого много архаизмов) содержится в переосмысленном виде отголосок военной деятельности микенских эквивалентов.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ НА БАЛКАНАХ. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ.
(I ТЫС. ДО Н.Э.)

В современных исторических исследованиях проблемы, связанные с проявлениями городской жизни на Балканах рассматриваются в основном в двух аспектах: во-первых, это дискуссии относительно генезиса раннегреческого города и полиса (II-I тыс. до н.э.) и, во-вторых, появление городов (или поселений городского типа) в государствах и государственных объединениях неклассического типа, какими были Фракия, Иллирия и Македония.

Городская жизнь в неклассическом окружении древней Элады представляет собой отдельную проблему. Освещение процессов градостроительства во Фракии, Иллирии и Македонии не может быть изолировано от определения типа классового общества, в котором они протекали. В данном случае название "древний балканский город" означает древний город неклассического типа, а также включает формы его развития во Фракии, Иллирии и Македонии.

С территориальной точки зрения городская жизнь во Фракии с характерными для нее признаками переходит границы собственно балканской историко-географической зоны, распространяясь и на территории северо-западной Малой Азии, там, где позднее возникло Вифинское царство.

Согласно известным на сегодняшний день данным, признаки городской жизни наиболее ясно прослеживаются в Кабиле, Филиппополе и Севтополисе. Первый этап развития Филиппополя и Кабиле совпадает с эпохой, предшествующей военным походам Филиппа II (конец II - начало I тыс. до н.э. вплоть до середины I в. до н.э.). Второй этап отмечен активной военно-политической деятельностью Севта III. Он продолжается и при их преемниках до того времени, когда фракийские земли были включены в систему римского провинциального рабовладения. Отдельно можно рассматривать градостроительные процессы, имевшие место в гетском племенном массиве в период I в. до н.э. - I в. н.э.

Городская жизнь во Фракии в эпоху, предшествующую римским завоеваниям, находилась под сильным воздействием царско-го династического института. Вопрос о существовании полисных

структур в Кабиле и Филиппополе остается неясным, поскольку неясно, каким было отношение гражданского коллектива к земле – основному средству производства. Источники подтверждают, что фракийские владельцы осуществляли контроль над этими двумя городами. В определенные периоды они представляли собой их резиденции.

Для развития городской жизни в Македонии характерны два периода: до и после Филиппа II (т.е. VI–IV в. до н.э. и IV–II в.–до н.э.). Развитие первого периода тесно связано с зарождением городской жизни вокруг центров активной производственной и торгово-экономической деятельности. Неразвитость рабовладельческих производственных отношений придала городской жизни в Македонии своеобразный облик. В конце первого и в течение всего второго периода ее развития ясно прослеживается сильное влияние царской власти во всех формах градостроительства.

Раннерабовладельческий характер иллирийского общества также оказал влияние на развитие городской жизни в этом районе. Здесь, также как и во Фракии, особую роль в генезисе городов сыграли политические факторы. В большинстве случаев преобладает цитадельный тип поселения. К III–II в. до н.э. античная письменная традиция свидетельствует о непосредственном контроле, который осуществляли иллирийские цари и династы, внутриполитическая жизнь города контролировалась специально назначенным для этой цели наместником.

Развитие городской жизни на Балканах (Фракия, Иллирия, Македония) делится на два длительных периода: конец II – начало I тыс. до н.э., примерно до IV в. н.э. и, начиная с IV в. до н.э. до II в. до н.э.

Основную роль в развитии градостроительства играли политические факторы. В исторически обозримый период формирования балканских городов неклассического типа, последние испытывали сильное влияние со стороны царского династического института. Кроме того, определенное влияние на генезис балканских городов Фракии, Иллирии и Македонии оказали и другие факторы религиозного, культового и экономического характера.

И.А.КАЛУЖСКАЯ
В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ СЕВЕРОБАЛКАНСКИЕ ДАННЫЕ К ПРЕДЫСТОРИИ
ГРЕЧЕСКОГО МИФА ОБ УБИЙЦЕ БЕЛЛЕРА

В работе (Цымбурский 1987) обосновывалась связь таких балканских мифологических названий как др.-греч. Βέλλερος – имя убитого героем Беллерофонтом противника, рум. *balaur*, *bălaur* 'сказочный крылатый змей, дракон', алб. *bullar* 'уж', диал. 'сказочный змей' с рядом засвидетельствованных как в этом ареале, так и за его пределами и.-е. названий для камня, каменистой возвышенности: греч. φελλεός 'каменистое место', φελλόδρυς 'каменный дуб', φέλλερα 'каменистые места, козьи пастища', арм. *bolur*, *bolor* 'холм', фрак. МН Βέλλουρος, Βολερόν (Θέμα), иллир. Волоурос – все из *bheleno-, *bhelinego-, *bholtuero-, ср. далее др.-исл. *bali* < *bholen 'возвышение' и пр. Доводами для сближения служили: I) отнесение мифической эпиклезы Βέλλερος (Нев.) как к жертве Беллерофonta, так и к самому этому герою с чертами конного грозового бога (Malten 1925); ср. об амбивалентной роли камня в змееборческом поединке (Иванов-Топоров 1974); 2) коринфская версия легенды (Apd. II, 3, I), где противник Беллерофonta (он же одновременно его брат) носит имя Πειρήν < *Peruan, ср. хет. *peru*, *pırga* 'скала' и т.д.; наконец, 3) замечательная параллель в ирландском сказании о Балоре (Balor, вар. *Bolor*, *Bolur* *úa Neit*), воевавшем демонов-Фоморов в битве с племенами Богини Дану: голову Балора, убитого камнем, возлагают на каменный столб, а имя его отражается в названии каменистых возвышенностей – ирл. *Parn úi Neit* 'курган внука Нета', также мыс *Болероу*, *Белероу* на юго-западе Британии. Параллелизм предания о смертоносном глазе Балора, раскрывающемся лишь на время битвы, и албанской сказки о слепом буларе, прозревающем лишь раз в году, когда он поедает все на своем пути (Цывьян 1977; интересно также, что алб. *bullar* обозначает не только ужа, но и в ряде мест 'змею с закрытыми глазами, которая не видит' – Brincus 1967), подкрепил догадку о складывании данного круга мифов, видимо, в III-II тыс. до н.э. в Подунавье, откуда означенные сюжеты проникали как в древнеевропейский ареал (кельты), так и на юг Балкан (Коринф) и, через греческое посредство, в

Изложенная гипотеза может быть дополнена и в некоторых деталях скорректирована на основе привлечения румынских фольклорных представлений о балауре (далее б.), а также топономастики, отразившей это имя. В образе б. наблюдается много черт, стереотипных для змееборческого фольклора: это змееподобное, крылатое, многоголовое существо с золотой или зеленою чешуей, живет главным образом в воде (реже в лесах или на горах), запирая источники от людей и требуя человеческих жертвоприношений, выступает постоянным противником сказочного героя. Тем не менее, в преданиях о нем прослеживаются некоторые реликтовые черты, дающие ключ к более глубокой внутренней реконструкции образа. Прежде всего, происхождение б. связано с камнями: согласно существующим поверьям, в определенное время (обычно весной) собирается множество змей, они изрыгают из пасти пену и дуют на нее до тех пор, пока на ее поверхности не появится камень, часто драгоценный (это действие называется *fierb piatra* 'варить камень'); змея, проглотившая этот камень, возносится на тучу и становится б. (*Mușlea-Bîrlea* I976, *Mușlea-Bîrlea* I970, *Şăineanu* I979). Альтернативная версия – превращение в б. змеи, которая долгое время (7, 9, 15 и более лет) пробыла под землей, никого не видя и никем не видимая (*Mușlea-Bîrlea* I970 и др.;ср. мотив слепоты "до срока" у алб. булара и кельт. Балора), обнаруживает тенденцию контаминироваться с версией о поглощении камня: змея, проглотив камень, уходит на 7 лет под землю, после чего начинает светиться как солнце (*Bîrlea* I976). Связь с камнем прослеживается и в некоторых других сюжетах о б.: его можно вызвать из озера,бросив туда камень (там же); поднимаясь на грозовые тучи, б. ворочает и бросает булыжники (*Mușlea-Bîrlea* I970).

В литературе (Hasdeu. EMR 3) отмечалось, что использование лексемы *balaur* в топонимике связано прежде всего с возвышеностями: таковы холм *Bâlaur* в Тутове, горы *Bâlaur* и холм *Bâlaur* в Бузэу, далее приводимые И. Йорданом (I952) топонимы *Măgura Balaurului* (Телеorman), *Muchia Balaurului*, *Bâlaurul Mic* или *Bâlaurul* (Бечень), сюда же *Drumul Balaurului* в горах Мехединц (*Vulcănescu* I985). Можно предположить, что в этом обширном классе румынских горных названий реализован тот же принцип мифологической номинации 'гора, возвышенность' ~

'хтоническое чудовище', что и во фрак. Βέλλουρος, Βολερον, иллир. Вблурос, кельт. Βολέριον (возможно, сюда же МН Πελλερτίς вблизи Коринфас < *Βελλερήτης - Kretschmer 1936, Will 1955, с адаптацией к κέλλα 'скала, камень').

С другой стороны, румынские данные побуждают с осторожностью отнести к слишком прямому использованию "змееборческой" схемы для обоснования реконструкции в работе (Цымбурский 1987). Существенной особенностью представлений о б. является его своеобразное отношение к другому персонажу румынского фольклора – змеи, пришедшему из славянской традиции. Несмотря на частое смешение этих персонажей, фольклористы склонны их разграничивать на том основании, что за змеи выступающем в образе человека-исполина, как правило, закреплены человеческие качества (внешний вид, человеческая речь, наличие дома, семьи), тогда как б. приписывается змейный или смешанный облик (тело змеи или человека с хвостом и головой крокодила или лошади и т.п.) и повадки сказочного дракона (Nasdeu. EMR 3, Șăineanu 1979). Подобную оппозицию вряд ли можно считать исконной не только по причине относительно позднего появления рум. змеи, но и в силу консервации в румынском фольклореrudиментарных представлений о человеческих чертах самого б.: явление его в виде получеловека-полузмеи, превращение змеи через стадию б. в антропоморфного змеи, представление о б., как о человеке, которому судьбой предназначено жить в облике змеи (Bîrlea 1976), наконец, изображение б. в виде человека, нищего или крестьянина, носящего за спиной было и два соединенных веревкой камня (Mușlea-Bîrlea 1970).

В связи с выявлением у б. исконных человеческих черт, представляет особый интерес связанный с ним персонаж, именуемый *solomonar* 'чародей, колдун', выполняющий функцию наставника и хозяина б. Это как правило сильный, храбрый человек, странствующий в обличье нищего в грязной и рваной одежде, носит с собой было с двумя камнями, а также топор, свисток и узду из лыка или бересты, которую он накидывает на б., заставляя его подчиниться. Ряд других его черт (пребывание в течение 7 лет под землей, обитание в пещерах и лесах, поедание человеческого мяса), обнаруживающих сходство с самим б., вызывает предположение, что это, по сути дела, человеческий двойник змеевидного б. Следует специально отметить, что особую силу

против *şolomonar*'а имеют каменщики (Birlea 1976). Все изложенное выше касательно соотношения *balaur* - *zmeu* - *şolomonar* наводит на мысль, что антропоморфность *zmei* и существование такого нетрадиционного персонажа как *şolomonar* может объясняться переносом на них ряда древних примет в. - первоначально горного демона-великаны. Здесь уместно вспомнить уникальное изображение "фракийского" сюжета о Беллерофонте на сосуде из Рогозенского клада, где герою, помимо Химеры, противостоит неведомый грекам противник: лев-грифон со змеей вместо хвоста; особо примечательно, что сзади, над спиной этого тератоморфного противника изображено человеческое лицо.

Таким образом, румынский материал как будто подтверждает реконструкцию "каменно-горной" природы персонажа, мотив "слепоты до срока" и, в какой-то мере, гипотезу о подунайском эпицентре этого круга мифов. Анализ описательных (внебабульных) свидетельств выявляет известную близость в. к образам европейского фольклора о горных великанах, отношение которого к змееборческому комплексу отнюдь не однозначно (следует иметь в виду возможность охвата популярными фабулами исходно чужеродного материала местных поверий). Известно, что и в кельтских сюжетах, связанных с Балором, резкое усугубление змееборческих штампов (похищение коров и кузнеца, борьба с внуком, выросшим в доме кузнеца) прослеживается скорее во вторичных сказочных сюжетах.

Р.КРОССЛЭНД
(Кембридж)

МЕСТО ДАКО-ФРАКИЙСКОГО СРЕДИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ТЕОРИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКИХ И.-Е. ЯЗЫКОВ

С.М.КРЫКИН
(Москва)

ФРАКИЙЦЫ В АНТИЧНОМ СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.

После выхода в свет первого капитального труда о фракийцах (В.Томашек 1893-1894) начались поиски следов пребывания представителей фракийских этносов в античном Северном Причерноморье. Вскоре после обнаружения в северопонтийских городах некоторого числа уроженцев Подунавья из состава римских окку-

пационных вексилляций появилась и гипотеза о фракийском происхождении киммерийцев ("фрако-киммерийская" проблема, ныне не разделяемая большинством специалистов). Ориентируясь только на предварительный анализ античной ономастики родилось предположение о фрако-киммерийском происхождении автохтонов Азиатского Боспора. Более полутораста лет дискутируется вопрос о происхождении династии Спартокидов и фракийская версия не лишена оснований. В первые века нашей эры якобы имела место "фракизация" Боспора. После выявления К.К.Марченко образцов фракийской лепной керамики на Березани и в Ольвии были предприняты попытки идентификации фракийских форм сосудов в позднескифском Крыму (Т.Н.Высотская) и в позднеантичном Боспоре (Е.Г.Кастанаян). Гипотетические заключения о фракийской антропонимии в Северном Причерноморье (Л.Згуста, И.И.Руссу), о проникновении нескольких фракийских культов (М.И.Ростовцев, Л.А.Ельницкий, В.Д.Блаватский и др.) доныне принимаются во внимание многими специалистами по истории северопонтийских областей, однако многие опорные факты при их внимательной проверке с привлечением новейших работ по лингвистике, археологии и истории Восточных Балкан истолковываются теперь иначе. После того, как А.И.Мелюковой обстоятельно изучены процессы этнокультурного взаимодействия фракийцев и скитов, пришла пора пересмотреть устоявшиеся точки зрения на сущность и роль фракийских реликтов в античных центрах Северного Причерноморья.

Из сотни предложенных И.И.Руссу примеров лишь три-четыре десятка способны составить фракийский ономастикон Северного Причерноморья, причем абсолютное большинство из них относятся к I-III вв. н.э. В Северо-Западном Причерноморье отмечено пребывание выходцев из античных центров на фракийских землях, незначительное проникновение в гражданские общины представителей гетской знати, вероятна естественная инфильтрация из фракоязычной Вифинии. После введения сюда, в Херсонес и Харакс римских оккупационных гарнизонов из Нижней Мезии появляются характерные имена уроженцев Восточных Балкан. Из всех античных центров Северного Причерноморья Херсонес в наименьшей степени испытал фракийское этнокультурное влияние. Что касается Боспора, то вслед за установлением полубракийской по происхождению династии Спартокидов вполне логично улавливается появление групп фракийских наемников. В I-III вв.

на Боспоре постепенно ассимилируется свита фракийской принцессы Гипэпирис, состоявшая из южнофракийской военной знати.

Керамика северных фракийцев-гетов зафиксирована на Березани и в Ольвии в эпоху колонизации, весь период эллинизма преобладает между Дунаем, инфильтрируя при этом до Нижнего Поднепровья и Ольвии, а в римскую эпоху соприкосновение с античными колониями фактически навсегда прекращается. У поздних скифов и на Боспоре появляются похожие формы, но это не более чем типологический параллелизм, иначе же изредка – последствия осуществления давних контактов на Нижнем Днепре в последние века н.э.

Новороманцы фракийского происхождения оставили специфические вотивные памятники в Тире и Ольвии, Херсонесе и Хараксе. Незначительное западнопонтийское фракизированное религиозное влияние сменилось гораздо более мощным провинциальным римским, однако из собственно фракийских культов (или фракизированных) заметно проникновение Хероса и Зевса Димеранского. Культы Сабазия и Поробона генетически с Фракией не связаны.

Боспор вообще не испытал фракийского религиозного влияния. Культ всадника здесь объединяет в себе греко-малоазийские и ирано-сарматские черты, он формируется параллельно с Фракийским всадником, но без какой-либо связи.

Фракийские военные отряды в эллинистическую эпоху служат царям Боспора, а при Митридате действуют в Северо-Западном Причерноморье.

Итак, роль фракийского субстрата в античном Северном Причерноморье явно преувеличена и никакой "фракизации" не наблюдалось.

Ц.ЛАЗОВА
(София)

ФРАКИЙСКИЕ РЕАЛИИ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (АБАРИС, АРИСТЕЙ, АНАХАРСИС)

Античная литература содержит множество элементов, которые прямо или косвенно связаны с фракийской культурно-исторической действительностью. Очень часто, однако, имеющие значительную ценность свидетельства не могут быть непосредственно соотнесены с культурно-исторической средой фракийцев, и тогда необходимо при их анализе применять такой подход, кото-

рый помог бы установить их принадлежность к культурной истории фракийцев.

В настоящем сообщении представлены реалии, связанные с легендарными образами Абариса, Аристея и Анахарсиса, которые автор рассматривает в контексте гиперборейской традиции. Делается попытка реконструировать прообраз поэта-мудреца, прибывшего в Элладу с севера, причем раскрывается механизм демифологизации и "историзации" его образа. Автор приходит к выводу, что этот архаический прообраз рожден не в эллинской среде, что распространен он на значительной по размерам территории, охватывающей балкано-эгейско-малоазийские области, и связан с архаической философско-религиозной средой.

И.А.ЛЕВИНСКАЯ
С.Р.ТОХТАСЬЕВ
(Ленинград)

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ИМЕНА НА БОСПОРЕ

Период правления на Боспоре Митридата и его ближайших преемников ознаменовался, как известно, существенными качественными изменениями этнической ситуации в этом государстве. На Боспоре появляются переселенцы из Фракии. Отмечается миграционный всплеск из Малой Азии, осуществившийся в относительно короткий отрезок времени. Наличие иудейской общины (*συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων*) фиксируется в Пантике письмах только с I в.н.э. (КБН 70, 71, 72), однако евреи впервые попадают на Боспор, по-видимому, уже в митридатовское время (ср. женское ЛИ *Εμρεῖς* – КБН I22, 5; см. Zgusta § 755). Появление евреев на Боспоре, даже если предположить их массовое переселение, не обязательно должно было привести к появлению значительного количества еврейских ЛИ. ЛИ лишь в тенденции отражают этническую принадлежность своих носителей, кроме того необходимо учитывать распространенность тех или иных ономастических традиций в определенной среде. Так, например, среди евреев диаспоры были широко представлены греческие ЛИ вплоть до теофорных, а также еврейские, переделанные на греческий лад на основе созвучия (тип *Συρέων*, *ζιμέον* и *Σέμον*).

Среди боспорских ЛИ Э.Шютер, С.Сегерт и Л.Згуста выделили незначительное количество еврейских, список которых, как представляется, может быть расширен.

При выявлении еврейских ЛИ используется следующий методический принцип: совпадение греч. форм предполагаемых евр.

ЛИ в других источниках (LXX, папирусы и т.д.). Косвенным аргументом в пользу предлагаемой атрибуции считается наличие этих ЛИ в надписях фиасов Бога Высочайшего, особенно, если их там несколько.

При именах указано количество лиц, носивших данное имя.

1. Ωνιας < библ.-евр. ‘Anajā или ḥōnijō (I).
  2. Σαμβατ̄ων < библ.-евр. Šabbat̄aj, оформленного по типу греч. LI на -ιων (см. также №3) (9 + I9?). Широкое распространение этого ЛИ объясняется распространением почитания субботы среди язычников, в той или иной степени примкнувших к иудаизму. Гипокористикон Σαμβ̄ων (Σαββ̄ων, Σαβ̄ων), не имеющий определенных фонетических ассоциаций с σάββατον, не может свидетельствовать об этно-конфессиональной принадлежности своего носителя. Характерно, что на Боспоре имя Σαμβατ̄ων было распространено преимущественно среди членов фиасов, чтущих Бога Высочайшего, члены которых принадлежали к квазипровозитскому кругу.
  3. 'Αζαρ̄ων < библ.-евр. 'Azarjā или 'Azarjāhū (2).
  4. Ιουδ̄α (gen.?) < библ.-евр. Jēhūdā (I) и Ιωδας < библ.-евр. Jēhōjādā (3).
- ЛИ, еврейская принадлежность которых проблематична.
1. Γαδας/εις ? к Gād, Fortuna, языческое божество (ср. Βαργαδας – SEG VII 460a, Дура-Европос и др.) или Gād, эпоним племени гад (LXX: Γέδας) (2).
  2. Ηλ(ε)ις < библ.-евр. 'Elī (I муж., 8 женск.)
  3. Ιας < библ.-евр. Jō'āš или Η̄iājā? (4).

Н.Я.МЕРПЕРТ
А.А.МОЛЧАНОВ
(Москва)

СТРУКТУРА ПРОТОФРАКИЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ (ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОКА И ЮГА БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА)

Раскопки поселений раннего бронзового века (конец II – III тыс. до н.э.) Северо-Фракийской низменности необычайно важны для изучения древнейшей истории Балкан. Они выявили резкие этнокультурные изменения, приведшие к формированию новой системы культур, начиная с которой прослеживается прямая преемственность в развитии данного региона вплоть до времени достоверного обнаружения здесь исторических фракийцев и появле-

ния письменных свидетельств о них. Это создает возможности для ретроспективных построений с комплексным использованием археологических и письменных источников.

Особого внимания заслуживает вопрос об иерархии и внутренней структуре поселений. В конкретных "микрорайонах" Южной Болгарии выделен ряд групп взаимосвязанных населенных пунктов. Каждая из них тяготела к своему центру — поселку, выделявшемуся своими размерами, наличием укреплений, концентрацией ремесел и продовольственных запасов и пр. Вокруг такого "базового" поселка-протогорода располагались меньшие, неукрепленные поселения и отдельные "хутора". При военной угрозе население их укрывалось за стенами центрального поселка. В целом же каждая группа составляла некую социально-экономическую единицу, включавшуюся на следующем уровне в структуру "микрорайона".

Археологически документируется сложность внутренней планировки "базовых" поселков (ср. Эзеро и Юнаците). Им свойственна двучастность: к расположенным на холмах "акрополям" с особого рода застройкой, фортификациями и зернохранилищами, примыкают обширные напольные поселения. Значение таких данных о дуалистической структуре древнефракийских протогородских центров в раннем бронзовом веке трудно переоценить. Они заставляют предполагать, что за четким членением на "элитарную" и "заглитарную" части поселений уже III тыс. до н.э. скрываются принципиальные различия в статусе двух публично конституированных групп населения, т.е. устойчивое выделение привилегированной группы из массы рядовых жителей. Подобного рода явления в градостроительной сфере, обусловленные факторами социального характера, наблюдаются на определенной стадии развития древних обществ — в предгосударственный и раннегосударственный периоды. Это позволяет искать в протофракийской культурной общности истоки ранней государственности на Балканах (вторым очагом становления цивилизации для того же региона послужил минойский Крит).

Мы имеем теперь возможность сопоставить, впервые для Европы раннего бронзового века, археологические материалы с нарративными свидетельствами. Последние содержатся в таком исключительно информативном источнике, каковым является для изучения древнейшего прошлого всего Средиземноморья и Эгейды в

особенности, античная мифолого-историческая традиция. В сочинениях эллинских и римских авторов много упоминаний о племенах, живших на юге Балканского полуострова до прихода туда греков. При этом ведущее место среди них отводится пеласгам. Мнение о том, что "древнее племя этого имени распространялось по всей Элладе", господствовало, по свидетельству Страбона, среди древнегреческих историков и мифологов. Сведения исторических преданий, которыми располагали античные авторы, подкреплялись и топонимическими данными. Эллины помнили, что вся их страна называлась раньше Пеласгия. Тот же топоним и родственные ему встречаются в разных концах континентальной Греции: от Фессалии до Пелопоннеса и от Эпира до Анатолии. Тем самым топонимией в полном согласии с эллинской мифолого-исторической традицией очерчиваются примерные границы пеласгийского этнического массива на юге Балканского п-ова.

Ныне имеются все основания видеть в Πελασγοί эллинских преданий большую группу фракийских племен – непосредственных предшественников греков в европейской Эгейиде (справедливость идентификации пеласгов и фракийцев, обоснованной лингвистами, подтверждают и результаты анализа античной традиции). А поскольку приход первой греческой миграционной волны на юг Балканского п-ова датируется археологически примерно рубежом III-II тыс. до н.э. (он знаменует границу между РЭ и СЭ периодами), то пеласгийская, т.е. догреческо-фракийская, эпоха легендарной праистории будущей Эллады должна соответствовать III тыс. до н.э. (РЭ период). Синхронные ей раннебронзовые поселения Южной Болгарии получили у археологов и лингвистов аналогичную этническую атрибуцию. Установление же принадлежности обитателей всей юго-восточной окраины Европы, ограниченной Динарским нагорьем и Стара-Планиной, к одному и тому же – протофракийскому-миру делает в методическом плане вполне оправданным сопоставление реалий, археологически четко выявляемых на таких южноболгарских памятниках как Эзеро и Юнаците, с теми реалиями о которых сообщают применительно к областям Средней и Южной Греции нарративные источники, запечатлевшие в себе отголоски фольклорной фиксации фактов той же праисторической эпохи.

Ту же двучленную модель градостроительной организации "цитадель – периферийный жилой массив", которая характерна

для крупнейших поселений ранней бронзы, раскопанных на территории исторической Фракии, мы находим повсеместно у древних авторов при описании первоначальной микротопографии городов, основанных пеласгами в разных местах будущей Эллады. Целый ряд примеров тому дают Аркадия (Асея, Паллантий, Орхомен, Феней), Арголида (Аргос с его акрополем Ларисой), Аттика (Афины с Пеласгионом) и Беотия (Фивы с Кадмееей).

Дополнить вышеизложенные наблюдения сравнением протофракийских поселений Южной Болгарии эпохи ранней бронзы с синхронными им протогородами юга Балканского п-ова в чисто археологическом отношении пока трудно из-за недостатка ^{по} составительного материала с территории континентальной Греции. Тем интереснее пример Лерны — очень большого поселения раннебронзовового века с укрепленным акрополем — в Арголиде, занятой греками, по их собственным утверждениям, непосредственно после пеласгов.

Таким образом, по независимым друг от друга археологическим и нарративным источникам выявляется одинаковая закономерность: наличие характерной двуучленной градостроительной структуры в крупнейших поселениях протофракийского ареала (включая южнобалканскую Пеласгию) $\pm$ тыс. до н.э.

О.Я.НЕВЕРОВ
Н.Н.КАЗАНСКИЙ
(Ленинград)

ЭГЕЙСКИЙ ЛЕНТОИД СО ЗНАКАМИ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА А
ИЗ СОБРАНИЯ Л.РОССА

Интересующая нас небольшая стеатитовая печать-лентоид поступила в Эрмитаж в 1865 г. из собрания Л.Росса в Гаале (ГЭ, инв. № 5III. Архив ГЭ, Оп. П., дело № 9 [1863 г.], лл. 45–47, 52; Оп. У., дело № 9 [1864–1865], лл. 3, 8, II–12). Гемма имеет почти круглую форму, ее высота — 1,7 см., ширина — 1,5 см, толщина — 0,7 см. Она снабжена продольным отверстием для крепления подвижного кольца-дужки. Цвет минерала серый, поверхность полирована, с двух сторон нанесена резьба, представляющая собой перекрещивающиеся линии.

Людвиг Росс, один из классиков археологии, профессор университетов в Афинах и Гаале (1806–1859) в своих многочисленных путешествиях составил интересное собрание древностей. После его трагической смерти часть собрания была приобретена

для императорского Эрмитажа. Она состояла из 28 гемм, из них 9 несомненно происходят из эгейских центров. Четыре геммы были опубликованы самим владельцем (Ross L. 1) *Reisen auf den griechischen Inseln des Aegaeischen Meeres*. Bd. 1-2. Stuttgart, 1840-1843; 2) *Inselreisen*. Th. 1-2. Halle, 1912). Некоторые из гемм коллекции Росса были еще при жизни опубликованы известным английским археологом Ф.Лэйардом (*Lajard F. Introduction à l'étude du culte de Mithrā*. Paris, 1847, pl. 42, 46). Эрмитажная гемма была опубликована А.А.Захаровым в дискуссионной статье "Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир" (Труды секции археологии РАННОН, т. II, М., 1928, с. 39, табл. II, 7).

Список гемм, приобретенных из коллекции Л.Росса Эрмитажем, содержит указания на место находки или покупки каждого предмета; преобладают указания на острова Мелос, Кипр, Эгину. Эрмитажный лентоид № 5II отнесен к находкам с острова Мелос, откуда происходят несколько текстов линейного письма A (*Palaiama Th.G. Linear A in the Cyclades: The Trade and Travel of a Script. - Temple University Aegean Symposium 7. 1982*, p. 15).

Некоторая часть знаков на эрмитажном лентоиде может быть отождествлена с эгейскими линейными письменами.

Recto: тщательно вырезанный одиничный знак , который можно интерпретировать как AB 28 (менее вероятна интерпретация как B 52) в лигатуре с A 704 (здесь и далее номера знаков по GORILA).

Verso: выделяются два типа знаков 1) мелкие аккуратные (но разной глубины), идущие вдоль правого края сверху вниз: в верхней части тщательно и глубоко вырезан знак AB I3Ia, за которым следует отчетливый, но неглубокий знак AB I20, под которым только намечен не совсем ясный знак (возможно, A 30I); внизу отчетливо и тщательно вырезан знак AB I22. 2) Весь центр и левая сторона лентоида заполнены крупными неряшливыми знаками, расположенными в два ряда. Отчетливо читается только знак, составляющий нижний ряд AB 08. Отметим, что вертикальная черта в центре знака отклонена в сторону, чтобы не образовать лигатуру с верхним рядом знаков. Центральная часть лентоида занята, вероятно, лигатурой знаков, разобрать которую мне не удалось: . Неясно, является ли указанная на прориси точка случайным повреждением, или же была вырезана изначально. Разделение лигатуры на знак

Ж. (отдаленно напоминающий А 709²), за которым следует АВ 05, по горизонтали слитый с АВ 03, внутрь которого с обеих сторон вписан АВ 02, очевидным образом неудачно и не учитывает, в частности, поперечную линию в левой части знака.

Таким образом, до некоторой степени интерпретируется только часть знаков, из которых отождествлению поддаются АВ I3Ia, АВ I20, АВ I22 и АВ 08, причем первые три, вероятно, выступают в качестве идеограмм, значение которых известно из текстов линейного письма В: VIN, GRA, OLIV. Стоящие рядом на-водят на мысль о встречающейся в линейном В лигатуре OLIV+A, однако порядок знаков кажется неожиданным.

Несмотря на целый ряд неясностей при отождествлении знаков эрмитажный лентоид Ж 5II, происходящий из коллекции Л.Росса, может рассматриваться как еще один текст линейного А.

В.Э.ОРЕЛ
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ АЛБАНО-КЕЛЬТСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Хотя исследователи неоднократно обращались к теме албано-кельтских изоглосс (см. работы Йокля, Чабея, Боржо и др.), в этой области накоплено сравнительно немного материала, что и неудивительно: хотя кельто-праалбанские контакты и представляются весьма вероятными (на них, в частности, могут указывать многочисленные кельтские следы в топонимике Балкан, см. наши публикации в ВДИ 1987, № 4 и BBCS 1988, № 2), едва ли кельтский и албанский были тесно связаны в рамках индоевропейского диалектного континуума. Вместе с тем, список кельто-албанских параллелей может быть в настоящее время пополнен. Один из примеров специфической близости албанского к кельтскому обнаруживается, как можно думать, в сфере пространственных обозначений. В албанском известно наречие rēgposh, rēposh "внизу", являющееся префиксальным образованием от атематического локатива праалб. *rēd-su < и.-е. *rēd-su, букв. 'у ног, под ногами', resp. 'внизу'. К тому же и.-е. источнику восходит, как известно, и др.-ирл. ís 'низ' < *rēd-su, которому противостоит др.-ирл. uas 'верх' < *up(s)-su. Соответствия этим образованиям могут быть найдены и в других и.-е. языках. Вместе с тем, замечательной особенностью кельтского является наличие в нем суффиксальных образований от указанных выше форм, а именно: uachtar 'верхняя часть' < *up-su-tro- и iachtar 'ниж-

няя часть'. Последнее не может быть выведено фонетически из *rēd-su-tro-, поскольку эта древнеирландская форма подверглась воздействию по аналогии со стороны *uachtar*; тем не менее, предполагать существование формы *rēd-su-tro- в пракельтском вполне правомерно. В связи с этим обращает на себя внимание существование в албанском точного аналога этой формы в виде poshter 'нижний' < праалб. *pād-su-tra < и.-е. *rēd-su-tro-, что и указывает в данном случае на наличие специфической албано-кельтской лексико-словообразовательной изоглоссы.

Ю.В.ОТКУПЩИКОВ
(Ленинград)

'ΕΞΑΜΠΑΪΟΣ И 'ΙΓΛΑΜΠΑΪΝΕ

1. В четвертой книге Геродота дважды упоминается горький источник и местность в бассейне Южного Буга, которые по-скифски называются 'Εξαμπαῖος, а по-гречески 'Ιγλαμπαῖνε 'Священные пути' (Hrdt. Iу, 52 и 81).

2. Попытки дать гидрониму иранскую этимологию (например, к осет. *q̥vənd 'священный' и др.-перс. *raθi* 'путь' – J. Marquart) успеха не имели. Еще В.Ф.Миллер писал, что название 'Εξαμπαῖος необъяснимо из иранского. М.Фасмер отмечал слабость всех предложенных этимологий.

3. О.Н.Трубачев выдвинул индоарийскую этимологию гидронима: к др.-инд. *a-* 'не', *ksamá* 'пригодный', *rāua-* 'вода'. Однако, как сама гипотеза об индоариях в Северном Причерноморье, так и предложенные О.Н.Трубачевым этимологии, были скептически встречены специалистами (М.Майrhoфер, Г.Поль, В.Шмид). Можно согласиться с выводом о том, что О.Н.Трубачевым "пока не указано ни одного явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике" (Э.А.Грантовский, Д.С.Раевский).

4. Принимая во внимание широкое распространение греческой и палеобалканской (греч. фракийской) ономастики в Северном Причерноморье, можно предложить новую этимологию гидронима 'Εξαμπαῖος, исходя из хорошо известных греческих (палеобалканских?) словообразовательных закономерностей.

5. Др.-греч. *καίω* 'бью', ударяю' имеет многочисленные производные с приставками *κνα-*, *κντε-*, *εἰσ-*, *ἐκ-*, *ἐν-*, *καρα-*, *κροσ-*, *συν-*, *ὑκέρ-*, а также с двойными приставками: *δι-εκ-* и *ἐπ-εἰσ-*. Отлагольные приставочные прилагательные дают образования типа *ἔμ-καίος* 'бьющий', *κροσ-καίος* 'внезапный'.

6. Глаголы с двумя приставками **ξ-ανα-** = **ξ-αμ-** обычно означают движение из-под чего-то – снизу вверх: **ξ-αμ-κρεβω** 'вытаскиваю', **ξ-ανα-σκάω** 'выдергиваю', **ξ-αν-άγω** 'вывожу вверх (из подземного царства)' и т.п. Глагол **φρέω** 'течь' имеет производное **ξ-αμ-φρέσας** 'заставлять бить ключом'.

7. Семантически близким к последнему случаю является '**Εξ-αμ-πάτος**' 'бьющий из-под (земли)', т.е. 'источник', ср. **Έμ-πάτος** 'бьющий в (кого-то)'. Употребление заимствованного апеллятива в значении имени собственного – обычное явление в ономастике, ср., например, Ярб-озеро в Новгородской обл. – к фин. *Järvi* 'озеро'. Связь глагольного значения 'бить' с 'источником' представляет собой известную семантическую универсалию. Наконец, разные названия одного и того же географического объекта совсем не говорят еще о том, что одно из них калькировано. Поэтому у нас нет никаких оснований отыскивать у гидронима '**Εξ-αμπάτος**' значение 'Священные пути'.

8. Мужское имя из Ольвии '**Ιγδαμπάΐης**' (начало У в. до н.э.) В.И.Абаев предложил интерпретировать на иранской основе: к **αύδα** 'закон, обычай' и **ρα** 'охранять'. Не оспаривая этой этимологии, Ю.Г.Виноградов отметил необходимость сопоставления имени с топонимом '**Εξαμπάτος**'. А это сопоставление, естественно, приводит к иной интерпретации.

9. У Гезихия засвидетельствовано слово **ἴγδην** 'ἄρσην' 'муж' – без указания его языковой принадлежности. Учитывая широкое распространение фракийских имен в Северном Причерноморье, можно высказать предположение о фракийском (или палеобалканском) происхождении слова **ἴγδην**, ср., в частности, по типу образования фриг. **ἀζήν** 'борода', **ἀτμήν** 'раб', **ἐσσήν** 'правитель, царь'.

10. Словосложение **ἴγδην** 'муж' и **-πάτος** 'бьющий, поражающий' дает антропоним '**Ιγδαμ-πάΐης**' – примерно с тем же значением, что и имена **Ἀνδρό-μαχος**, **Ἀνδροδεῖξα**, апеллятивы **ἀνδροκτόνος**, **ἀνδρο-ολέτειρα**, **ἀνδρο-φθέρος**, **ἀνδρο-φύνος** и др. Ср. также засвидетельствованное у Геродота скифское слово **οἰօρ-κατα** = др.-греч. **ἀνδροκτόνοι** 'мужеубийцы'.

II. Таким образом, гидроним '**Εξαμπάτος**' представляет собой отглагольное образование, а '**Ιγδαμπάΐης**' – словосложение, но с общим последним компонентом. Отсутствие этих имен и соответствующих апеллятивов в древнегреческом языке говорит, по-

видимому, о их палеобалканском (фракийском?) происхождении.

В.ПАНКОВСКИЙ
(Познань)

СИРРАС – ЕГО ЭТНИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ

М.Н.ЛОГРЕБОВА
Д.С.РАЕВСКИЙ
(Москва)

ЭТНОГЕНЕЗ СКИФОВ: ПРОБЛЕМА СОГЛАСОВАНИЯ
ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

I. Причерноморская Скифия принадлежит к тем периферийным областям античного мира, для воссоздания истории которых отрывочные и недостаточные сведения греко-римских источников проверяются, корректируются и дополняются путем сопоставления с данными археологии. Эта сложившаяся эмпирически практика обеспечивает, как правило, важные результаты, но иногда дает ощущимые сбои, причина которых видится нам в методике соотнесения между собой разноприродных материалов.

2. Как известно, ранняя история скифов Причерноморья наиболее полно изложена Геродотом (IV, II–I3), чей рассказ в целом согласуется с сообщениями других авторов, по крайней мере отчасти от Геродота независимых – Диодора, Страбона. Эта традиция включает повествование о приходе скифов из Азии, о вытеснении ими прежних обитателей региона – киммерийцев и о следующих за этим походах скифов в страны Ближнего Востока. Легко представить себе отражение этих событий в археологическом материале: появление в Причерноморье культуры, формирование которой происходило восточнее этого региона, естественно интерпретировать как след скифской миграции, что обеспечивает археологическую идентификацию скифов; культура же предшествующая в Причерноморье указанной, автоматически определяется как киммерийская. Парадокс, однако, состоит в том, что, вопреки кажущейся легкости названной задачи, предлагается целый ряд порой взаимоисключающих ее решений, что равносильно отсутствию решения, причем каждая из выдвинутых гипотез в той или иной мере предполагает исправление исходных данных, их корректировку.

3. Так, М.И.Артамонов, вынужден поступиться указанием Ге-

родота относительно хронологии описываемых событий, ибо находит единственный археологический аналог им во взаимоотношениях катакомбных и срубных племен середины II тыс. до н.э. А.И. Тереножкин, напротив, стремится любой ценой обнаружить отражение этих событий в археологических материалах того времени, к которому приурочивает их Геродот, но для этого вынужден прибегнуть к корректировке самой археологической ситуации. А.А. Иессен и Б.Н.Граков предпочитают модифицированное понимание характера самих событий – такое, которое в наибольшей мере соответствовало бы независимо воссозданной археологической картине. Какой подход более правомерен?

4. Присмотримся к характеру отражения в античных источниках этнических процессов, протекавших в варварской среде. Сведения о взаимоотношении этносов здесь по необходимости предстают как рассказы о взаимодействии носителей этнонимов. Улавливали ли при этом инокультурные авторы многозначность чужой этнической номенклатуры, ее изменения во времени и пространстве? Для Геродота скифы, которых он наблюдал в Причерноморье в II в. до н.э., скифы, о чьих походах в Переднюю Азию он повествовал с чужих слов, и скифы, о чьем приходе с востока он узнал из местных преданий, – один и тот же этнос. Но значит ли это, что реальное содержание и объем стоящей за этим именем совокупности оставались неизменными? И каково соотношение культурного (археологического) облика его носителей на разных этапах? Письменный источник ясной информации на этот счет не дает, по самой своей природе допуская множественность археологических импликаций. Априорный выбор одного из возможных толкований письменной традиции заведомо заводит поиски комплексной реконструкции в тупик. Оптимальные результаты могут быть достигнуты лишь при диалектическом использовании разноприродных данных.

Э.ПОЛОМЭ
(Остин)

БАЛКАНЫ В СВЕТЕ ВЗГЛЯДОВ К.РЕНФРЮ НА
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

ДАКИЯ И САРМАТИЯ НА КАРТЕ МИРА
МАРКА ВИПСАНИЯ АГРИППЫ

Содержание недошедшей до нас карты мира, автором которой является крупный политический деятель августовской эпохи Марк Випсаний Агриппа (64/3-12 гг. до н.э.), известно по ссылкам на нее (или на сопутствовавшее ей географическое сочинение Агриппы) позднейших античных авторов. Из описания карты в географических каталогах первой половины У.в. "Разделение круга земель" (*Div.*) и "Разделение провинций" (*Demens.*) можно заключить, что весь *orbis terrarum* на карте членится на 24 региона. Два из них описывают территорию Восточной Европы от Вислы до Кавказа. Вот как это выглядит в *Div.* I4 и I5 (почти полностью совпадают с этими пассажами *Demens.* 8 и 9 и весьма близок Плиний в *NH* IV, 8I и 9I, прямо ссылающийся при этом на Агриппу):

"I4. Дакия /и Гетика – *Demens.*/ ограничивается с востока пустынями Сарматии, с запада – рекой Вистлой, с севера – океаном, с юга – рекой Истром. Простирается в длину на 1200 миль (280 – *Demens.*, 2000 или 2100 – *Plin.*), ширина же там, где есть сведения, – 386 (= *Demens.*, 404, вар. 400, 396 – *Plin.*).

I5. Сарматия, Скифия Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ (Тавр – *Demens.*), с запада – рекой Борисфен, с севера – океаном, с юга –Pontийской провинцией. Длина – 980 миль (= *Demens.* и *Plin.*), ширина – 715 (816 – *Demens.*, 716 – *Plin.*).

Не будем сейчас рассматривать вопрос о цифровых данных: и при лучшей текстологической традиции от них едва ли следовало ожидать необходимой достоверности для столь отдаленных регионов (ср. *Plin.* IV, 9I сразу после описания размеров Сарматии: "ego incertam in hac terrarum parte mensuram arbitror").

Интересней вопрос о границах, в которых описываются Дакия и Сарматия со Скифией Таврической. Ведь, судя по восточной границе Дакии и западной границе Сарматии, рубеж между ними проходил по реке Борисфену (Днепру) и/или по "пустыням Сарматии" (степи между Дунаем и Днепром?). Эту границу подтверждает и краткое перечисление Плинием в IV, 219 народов и местностей, лежащих в 8 климате. Начинаясь от Танаиса (Дона), кли-

мат проходит через Меотийское озеро (Азовское море) и сарматов, затем через даков, части Германии и Галлии до побережья (Атлантического) океана. Сарматов и даков, как видим, опять разделяет только Борисфен.

В данных Агриппы об этом регионе вообще много новых сведений, поражающих своей актуальностью на фоне повторявшихся из века в век пересказов геродотовского "Скифского логоса". Так, мы впервые в античной географии встречаем имя Висла (*Vistula*, *Vistla*), впервые в римской литературе (разумеется, дошедшей до нас) звучит этноним "сарматы" (его упоминает также Август в *RGDA*, 31) и название страны "Сарматия", которое еще очень не скоро заменит собой старое имя "Скифия", покрывавшее собой много веков всю территорию Северного Причерноморья. Сами Скифия названа Таврической, что соответствовало исторической действительности I в. до н.э., когда прежняя мощная Скифия под ударами сарматских племен резко сократила свою территсию и осталась практически в рамках Крыма и части Нижнего Поднепровья. Наконец, это первое свидетельство о Дакии, которое засвидетельствовано в римских источниках.

Чем же вызвано проведение границы между Дакией и Сарматией по Днепру, ведь мы знаем, что уже несколько десятилетий спустя сарматы, сильно продвинувшись на запад (в начале I в. н.э. они, по свидетельству Овидия и Страбона, были уже у Дуная), воспринимались как соседи Германии (см. уже у Мела, III, 25 и 33). Следует, вероятно, согласиться с предположением, что определение границ "Великой Дакии" восходит к середине I в. до н.э., когда гето-дакийский вождь Буребиста объединил, хотя и на короткое время, огромную территорию от Карпат до Днепра, в устье которого геты захватили греческий город Ольвию.

К. ПОРОЖАНОВ
(София)

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ В ОРФИЧЕСКОЙ ФРАКИИ

Как известно, отношения между классами и социальными группами непосредственно связаны с существующими формами собственности на основные средства производства. Это, несомненно, касается и противоречий, характерных для двусоставной социальной структуры орфической Фракии, куда входят аристократия и рядовые члены общины. При изучении истории Фракии второй половины II тыс. до н.э. этот вопрос не рассматривался.

Вот почему необходимо попытаться исследовать его. При этом следует опираться прежде всего на два момента. Во-первых, на существующий источниковедческий материал, а, во-вторых, на результаты сравнительных исследований соседних, более подробно изученных обществ, а именно, Хеттского царства и Микенской Греции, а также обществ, обитавших в Черноморско-Каспийских степях. Письменные сведения о них гораздо более обширны.

Поскольку в Древней Фракии раннеклассовые производственные отношения формировались примерно таким же путем, как и в обществах типа хеттского, то аналогии следует проводить прежде всего именно с Хеттским царством. Основные формы собственности — храмовая, царская, община и частная — развиты в различной степени и играют различную роль в социально-экономических отношениях отдельных формаций. Это определяет и особенности их производственных отношений. Общим же является то, что все они в той или иной мере могут рассматриваться как проявление более или менее назревших раннеклассовых противоречий.

По формам собственности и по той роли, которую они играют в формировании противоречий в социально-экономическом укладе, орфическая Фракия напоминает и Хеттскую державу и Микенскую Грецию, однако, наибольшее сходство прослеживается при ее сравнении с обществами Черноморско-Каспийских степей.

Б.Н.ПРОЦЕНКО
(Ростов-на-Дону)

БАЛКАНСКАЯ ОНОМАСТИКА В ПРИАЗОВЬЕ И ПОДОНЬЕ

Иллиро-дако-фракийское и иранское (от киммерийцев до сарматов) противостояние на западе Северного Причерноморья почти на протяжении всего I тыс. до н.э. обнаруживаемое археологами, рассматривающими его как свидетельство самостоятельного развития двух этнических группировок и соответственно двух культур, прежде всего фракийской и скифской, отнюдь не означает отсутствия языкового взаимодействия, осуществлявшегося, по-видимому, главным образом на лексическом и ономастическом уровнях. Обнадеживающий список балканских топонимов и личных имен в Северном Причерноморье, представленный в новейших лингвистических исследованиях, позволяет ставить вопрос о балканской ономастике на востоке занимаемой в этот период ираноязычными этносами территории, в восточном Приазовье и Подонье.

Можно предположить два пути проникновения балканской ономастики в названный регион. Одни из имен собственных, видимо, появились при посредничестве греков, начавших колонизацию Нижнего Дона в УП в. до н.э. и в последующем создавших крупнейший эмпорий Танаис. Греческое посредничество усматривается в топонимах античных авторов, ср. деревня вблизи устья Танаиса Καροῖα у Птолемея и фрак. Καρ-, входящее в состав множества топонимов и личных имен Καρ-βιζύν, Κέρ-βερος, Καρ-δενθης и т.п., личное имя Δαλοσάκος из надписи Танаиса (Δαλοσάκος в Пантиакапее) и распространенная фракийская ономастическая основа Δαλη-/Δαλη-/Δαλε- и др. Другие балканские ономастические элементы проникали на восток помимо греческого посредства, следы этих имен собственных нашли отражение как в сочинениях древних авторов, так и в современной топонимике Дона, ср. приазовский город Крημнос 'Кручи' у Геродота и город в Днестровско-Дунайском междуречье Крημνίσκос у Плиния, кастель "Албанес" в округе Naissos (Detschew S. 11) и Алдонина балка на Дону и др.

М.САКЕЛЛАРИУ
(Афины)

НОВЕЙШИЕ ТЕОРИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДАННЫХ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДРЕВНИХ
ГРЕКОВ

Д.САМСАРИС
(Янина)

ФРАКИЙЦЫ В ГРЕЦИИ В ГРЕКО-РИМСКИЙ ПЕРИОД
LES THRACES EN GRÈCE DANS L'ANTIQUITÉ GRECO-ROMAINE

Après les études approfondies des professeurs Al.Fol et V.Velkov sur la "diaspora" thrace dans l'Empire romain d'Orient et sur la présence thrace en Egypte gréco-romaine, nous avons commencé, sur leur modèle méthodologique, une pareille recherche sur la présence des populations thraces en Grèce dans l'antiquité gréco-romaine.

Dans la présente communication nous nous limitons à la présence démographique thrace en Macédoine actuelle grecque à l'époque romaine. Ainsi nous donnons les résultats de notre recherches prosopographiques et anthroponymiques basées sur le Macédoine.

D'abord nous examinons la répartition topographique des Thraces dans l'espace géographiques de la Macédoine. Ensuite nous touchons quelques problèmes qui concernent: leur symbiose avec les autres populations (surtout grecque et romaine) de la Macédoine, leur persistance à leur tradition anthroponymique, leur participation ou non à la vie sociale, leurs rapports avec les autres habitants (Grecs ou Romains) de la Macédoine, les influences reciproques, le processus de leur assimilation etc.

Л.А.САРАДЖЕВА
(Ереван)

ЗНАЧЕНИЕ АРМЯНО-СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС ДЛЯ ПРОБЛЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

1. Последние десятилетия в истории компаративистики знаменуются усиленным интересом к области лексических взаимоотношений между отдельными и.-е. языковыми группами и языками, что дает возможность делать широкие обобщения, касающиеся не только собственно лингвистических, но и экстравалингвистических проблем, в особенности проблем этногенеза..

2. Немаловажное значение при решении вопросов, связанных с предысторией индоевропейской глоттофорной общности – экологической среды обитания, семейных отношений, хозяйственной деятельности, социального устройства и т.д. – имеют и армяно-славянские лексические изоглоссы.

3. Результаты анализа армяно-славянских лексических изоглосс в области ландшафтной лексики, временных обозначений, природных явлений, фауны, флоры дают основания для следующих выводов экстравалингвистического характера: а) ареал обитанияprotoармян и праславян был преимущественно лесисто-болотистым (с присутствием хвойных пород), это подтверждается разветвленной армяно-славянской лексикой, связанной с обозначением древесных пород, тельмографической терминологией и т.д. Важное место в жизнеобеспечении носителей protoармянского и праславянского диалектов занимали реки: это находит отражение в армяно-славянских лексических изоглоссах со значением вода/река, наводнение, родник, поток и др.; б) климатические условия в эпоху общности были весьма суровыми. Об этом свидетельствуют совместные армяно-славянские языковые переживания в обозначении холодного времени года: зима, холод/север.

ранний снег, иней, мерзнуть, морозить и т.д. Всем этим лексемам противопоставляется не значение лето, которое восходит к различным корням, а значение весна, разлитие вод, таять и др. Общепарадигматического корня, специально обозначавшего лето, подобно наименованиям зимы, не было.

3. Имея в виду: 1) тесную связь и значительное совпадение древнеевропейской гидронимии и собственно парадигматического ареала заселения; 2) отсутствие индоевропейских гидронимов на Армянском нагорье и сопредельных территориях; 3) частные наблюдения над армяно-славянской лексикой, — следует принять точку зрения тех ученых, которые давно обратили внимание на Дунайский регион и на смежные с ним области, в частности Балканы и, возможно, другие соседние области как на вероятную первоначальную территорию расселения индоевропейских племен. Этой зоне соответствует компактный континуум в отражении ландшафтной лексики, животного и растительного мира, представленный в армяно-славянских лексических соответствиях.

В.А.САФРОНОВ
(Москва)

ОБ АРЕАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ ПРОТОГРЕКОВ И ИНДОИРАНЦЕВ

1. Значительное число лексических изоглосс греческого и индоиранского языков (характерное нередко только для них), выявленное в прошлом веке Ф.Вестфалом "сходство трех ямбических размеров у греков с тремя размерами Вед и ритмами иранцев" может свидетельствовать о существовании в эпоху индоевропейского единства греко-индоиранского диалекта и.-е. праязыка, либо об образовавшейся позднее ареальной общности этих языков, уже выделившихся из общей.-е. состояния.

2. Время существования греко-армяно-арийской общности (IУ тыс. до н.э.) устанавливается в обоснованной и логичной схеме Гамкрелидзе-Иванова хронологического членения и.-е. праязыка и его диалектов. Распад арийской общности, по этой схеме, произошел не позднее III тыс. до н.э., а общегреческого — на рубеже III/II тыс. до н.э., чему предшествовало долгое существование обеих общностей.

3. Некоторые факты позволяют уточнить распад индоиранской общности. "Ранние лингвистические древнеиндийские данные в Малой и Передней Азии датируются началом II тыс. до н.э." (Елизаренкова), а не его серединой (Гамкрелидзе, Иванов). Это

фиксирует "наличие диалекта, отличного от ведийского" (Елизаренкова), что позволяет датировать существование индоарийского второй половиной III тыс. до н.э., а индоиранскую общность относить к первой половине этого тысячелетия. Выделение же индоиранской общности следует помещать около рубежа IУ/III тыс. до н.э.

4. Появление грекоязычного населения на юге Балканского п-ова надежно связывается с носителями серой минийской керамики, формы которой плавно эволюционируют вплоть до ахейской эпохи. Происхождение культуры серой минийской керамики Чайлд не без основания выводил из баденской культуры.

5. Анализ керамического комплекса македонских и фессалийских памятников (Агрисса-Магула) 2-ой половины III тыс. до н.э. - начала II тыс. до н.э. не только подтверждает вывод Чайлда, но и выявляет в них более ранние болеразские формы, происходящие, в свою очередь, по мнению словацких археологов (Немешова-Павукова), от лендъельской керамической традиции и, по общему признанию, генетически связанные с баденской керамикой. Вторым (привнесенным) компонентом этого комплекса были амфоры, находящие четкие корреспонденции в производных от КВК (культуры воронковидных кубков) культурах шаровидных амфор (КША) и шнуровых керамик (КШК).

6. Позднеиндоевропейскую атрибуцию лендъельской культуры (ЛК) с производной от нее культурой КВК мы обосновали в монографии и ряде публикаций (Сафонов 1983, 1984, 1986, 1988). Таким образом, с рубежа IУ и У тыс. до н.э. на протяжении почти двух тысячелетий удается проследить непрерывную связь и.-е. культур в Подунавье (Лендъель-Болераз-Баден) и их миграции на финальной стадии своего существования на юг Балканского п-ова, где производная от них культура серой минийской керамики достаточно хорошо связывается с ахейскими памятниками, освещенными письменными источниками.

7. Керамика, близкая болеразской и КВК, содержится в некоторых курганных комплексах древнеямной культуры (ДЯК) Подунавья (Кетедъхаза). В юго-западном варианте ДЯК выделено 13 основных типов керамики (Яровой 1986); проведенный нами анализ показал, что все типы керамики этого варианта тождественны формам КВК. В КВК зафиксирован и древнейший курганный обряд (Сарново - 3600 г. до н.э.; Баальберг - 3150 г. до н.э.),

а все разновидности древнеямного обряда трупоположения обнаружены в КВК и ЛК. Антропологический тип в памятниках юго-западного варианта ДЯК и КВК также неразличимы (Шевченко 1984). Ранние юго-западные комплексы ДЯК (Триполье ВІ₄) значительно древнее ранних восточных комплексов (рубеж Триполья ВП/С – Сафонов 1983). Эти факты не учитывает гипотеза Гимбутас о Волго-Уральском происхождении древнеямной культуры, что делает ее излишней. Эти факты указывают на оформление ДЯК на основе КВК в степных и лесостепных районах, близких к Прикарпатью.

8. Поздние комплексы ДЯК занимают в течение I четверти III тыс. до н.э. значительную часть Понто-Каспийских степей, что после установления Абаевым доскифского иранского пласта, относимого им к началу II тыс. до н.э., позволяет установить иранскую атрибуцию поздних памятников ДЯК, а наиболее ранние памятники на юго-западе считать индоиранскими.

9. Чересполосное мирное существование на протяжении нескольких веков Баденской культуры и ДЯК на территории Северо-Восточной Венгрии следует рассматривать как сосуществование в первой половине III тыс. до н.э. ареальной протогреческой и индоиранской общности.

Т.Н.СВЕШНИКОВА
(Москва)

ДАКОРОМАНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДВОДИТЕЛЯХ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ

В корпусе дакороманских фольклорных текстов, отражающих народные представления о волке, особое место принадлежит поверьям о главарях волчьей стаи. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить о следующих, наделенных особым, сверхъестественной силой существах, выполняющих эту функцию:

а) Св. Петр, Св. Андрей, Св. Георгий, Св. Николай; среди этих святых первое место принадлежит Св. Петру, который считается главой, командиром, капитаном, руководителем, императором, хозяином волков, а волки – его собаками. Без ведома Св. Петра волки не смеют притронуться к добыче; предназначенну на съедение волку скотину Св.Петр помечает красной краской или кровью; распределение добычи может происходить, в частности, ночью, накануне дня Св. Андрея, когда волки соби-

раются на перекрестке, развилке дорог, на вершине холма и воют, умоляя своего хозяина дать им еду. Люди, слыша волчий вой, не мешают их молитве, боясь прогневить Св. Петра (ср. Mușlea-Bîrlea 382);

б) оборотень (pricolici) в роли предводителя волчьей стаи: встретив в поле группу волков, он становится их главарем, помогает находить добычу, распределяет ее между членами стаи;

в) в Трансильвании, особенно в Tara Moților, по данным Э.Петровича и М.Ионицэ, живут поверья о вылве (духе в образе женщины, змеи и пр.), которая выполняет различные охранительные функции и может быть вожаком волчьей стаи; ср. опубликованный М.Ионицэ текст, представляющий, как нам кажется, большой интерес, выходящий за рамки представлений, связанных с волком (вылва здесь предстает в облике старухи с прялкой у пояса, которая идет впереди волчьей стаи и прядет свою кудель: *Si baba torce poarte și merge înaintea lupilor 'И старуха прядет ночью и идет впереди волков'*);

г) вожаком волчьей стаи может быть и реальное живое существо, в частности, рысь; ср., например, записанный А.Истратеску текст (в дословном переводе): 'Говорят, что эта рысь... будто бы произошла от оборотня... Она побуждает волков набрасываться на скот, на что угодно';

д) наконец, по данным И.Мушли, главарем стаи может быть волк: в Tara Oașului существует представление, что у волков есть хозяин (gazdă), старший (mai mare), повелитель (roguncitor), старший волк (mai mare lup). Он отдает распоряжения меньшим волкам (*sia le poruncește la ceia lupchi mai mici*).

В.М.СЕРГЕЕВ
(Москва)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХОЗЯЙСТВЕННОГО СПИСКА: ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА А

Основные трудности в изучении хозяйственных текстов линейного письма А связаны с бедностью их формальной структуры, сводящейся к заголовкам в два-три слова, столбцам слов и цифрам, которые ставятся в соответствие этим словам. Кроме того, списки могут дополнительно члениться с помощью внутренних подзаголовков, как правило – однословных и замыкающихся резюмирующими словами "Всего" и "Недостача" (условная транс-

литерация, соответственно, *ki-go, ki-ro*). Подобная структура исключает отражение сколько-нибудь разветвленной сети языковых отношений, более того – не похоже и на то, чтобы в списках линейного А находили последовательное морфологическое воплощение и конституирующие для текстов такого рода семантические категории принадлежности, происхождения и предназначения. Отличие от аналогичных текстов линейного В, включающих многочисленные синтаксически развернутые пассажи, клишированные контекстные формулы и т.д., свидетельствует о выработке типов греко-микенских хозяйственных списков в самих греческих канцеляриях, независимо от традиции предшественников – "миноайцев". В силу всех этих причин, а также обилия в списках линейного А морфологически неоформленных идеограмм, исследование этих текстов методами лингвистической дешифровки, направленными на анализ плана выражения, выделение и интерпретацию подструктур языковой системы и корреляций между ними, зашло в тупик и за последние 20 лет не принесло серьезных результатов, несмотря на увеличение объемов однотипного текстового материала.

Между тем, именно упрощенность формальных характеристик этих текстов делает перспективным иной к ним подход, обращенный непосредственно к структуре их плана содержания, которая для любого хозяйственного списка может быть идентифицирована с неким фрагментом универсальной семантической схемы, описывающей процессы оперирования над ресурсами. Две версии этой схемы отражают: 1) акт передачи ресурса от одного владельца к другому в контратно-дополнительных ракурсах "получения" и "расхода", либо 2) акт ревизии, представляющей, по сути, закрепление ресурса за субъектом-адресатом, "вручающим" этот ресурс себе самому. Такое описание подтверждается, например, распределением ключевых глаголов в шумерских хозяйственных списках по трем классам, отражающим типы актов передачи: приход, расход и учет наличности, обозначаемый как "владение", "проверка", "счет" или "держание у себя (= в своей руке)" (см.: Эдцарт 1980). Обобщенная схема акта передачи выглядит так:

Дающий: имя, социальная роль.
Его локализация.

Адресат: имя, социальная роль.
Его локализация.

Имя акта передачи.

Место.

Время.

Обстоятельства: имена посредников, свидетелей и т.п.

Объекты, получаемые в обмен.

Объект передачи:
род/вид.

Количество.

Локальные характеристики:
источники.

Очевидно, что полное описание циркуляции ресурсов с перебором всевозможных параметров: имен дающих и получателей, мест, времени и форм передач, видов и источников ресурсов, требовало бы многомерного пространства и исключено для двухмерной плоскости любого конкретного хозяйственного списка. Последний может рассматриваться как плоскостной срез этого пространства, отражающий изменения некоторых из указанных в схеме параметров при фиксированном состоянии остальных.

Отсюда принципы формирования естественной типологии хозяйственных списков. Когда под колонкой подводится итог, список может состоять либо из имен адресатов или дающих, либо из перечисления актов передачи, либо из перебираемых видов или источников одного продукта. Тогда в заголовке скорее всего должно фиксироваться его название или – при перечислении видов продукта – его родовое обозначение. Напротив, в списках без суммирования скорее может иметь место перечисление различных имен продуктов при фиксированных прочих параметрах. Подобные фиксированные параметры по преимуществу выносятся в заголовки; именно поэтому в заголовках никогда не указывается количество продукта, выступающее в списках исключительно как переменная величина. Исчисление перемещений повторяющихся лексем по колонкам, заголовкам и подзаголовкам различных списков, представляющих, в свою очередь, различные срезы многомерного пространства циркуляции ресурсов, позволяет разбить всю совокупность лексем на позиционные классы, соответствующие параметрам этого пространства: имена лиц, мест, передаваемых ресурсов, актов передачи (к последним, например, в текстах линейного А отчетливо принадлежит однозначный символ). Существенная проблема связана с "семантической омонимией" локальных характеристик, которые могут соответствовать различным позициям в приведенной схеме, выступая то как обозначения источников ресурсов, то как характеристики актов передачи, то в функции имен дающих субъектов или адре-

сатов: в одних текстах эти глубинные позиции могут склеиваться, в других – формально различаться.

Хозяйственные списки представляют разновидность памятников линейного письма А, интерпретация которых может и должна вестись независимо от чрезвычайно дискуссионной идентификации языка этого письма, опираясь на имманентные закономерности развертывания текстов этого типа.

Г.И.СМИРНОВА
(Ленинград)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ ДНЕСТРО-
СИРЕТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И БАЛКАНСКОГО ПОДУНАВЬЯ
НА РУБЕЖЕ II-III ТЫС. ДО Н.Э.

I. По данным археологии, один из глубоких этнокультурных сдвигов в развитии Днестровского правобережного региона (Прикарпатье, лесостепная зона Молдавии и румынской Молдовы) произошел в конце II тыс. до н.э. По совокупности всех надежно датирующихся категорий вещевого инвентаря и радиоуглеродных определений, не позднее конца ХII в. до н.э. в этом регионе происходит смена археологических культур, не связанных между собой генетически. На месте культуры Ноа, близкой, по данным археологии и антропологии, со степными культурами эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья (позднесрубная–сабатиновская) в рассматриваемом регионе появляются памятники так называемого фракийского или каннелированного гальштата, представленные двумя родственными группами – Гава–Голиграды в Прикарпатье (конец ХII–УIII вв. до н.э.) и Белегиш II – Кишинев–Карлатэн в Молдове и Молдавии (конец ХII–Х вв. до н.э.). Для той и другой групп характерен обряд трупосожжения с захоронением праха в урнах–в грунтовых могильниках.

2. На локальные различия названных групп каннелированного гальштата исследователи давно обратили внимание (Мелюкова и др.). Несходство этих групп, выступающее преимущественно в керамическом производстве, по мнению докладчика, было обусловлено происхождением их от разных групп раннего каннелированного гальштата Карпатско–Дунайского бассейна. Появление голиградских памятников в Прикарпатье мы в свое время связали с продвижением в указанный регион племен культуры Гава из Верхнего Потисья.

Вопрос об исходной области кишиневского населения долгое

время оставался открытым. В начале 80-х годов в поисках его прародины мы обратились к группе памятников каннелированного гальштата Сурчин-Белегиш-Дубовац (ныне Белегиш П) в югославском Подунавье. Сравнительный анализ керамики привел нас к заключению, что ведущие типы посуды (корчаги, низкие черпаки с петельчатой ручкой, конические миски с горизонтальными каннелиюрами) по всему комплексу характерных признаков восходят к белегишскому керамическому набору. Это позволило говорить о прямом участии носителей группы Белегиш П в формировании памятников типа Кишинев-Карлатэнь.

3. Среди отечественных и румынских археологов преобладает мнение о фракийской принадлежности носителей рассматриваемых групп каннелированного гальштата. Уточнение вопроса о прародине этих групп памятников – бассейн Верхнего Потисья для голиградских и югославское (сербское) Подунавье для кишинев-корлатэнских – ставит в зависимость их этнокультурную атрибуцию от этнических определений культур Гава и Белегиш П. Как известно, памятники типа Белегиш находятся в области расселения иллирийцев и поэтому допустима их праиллирийская принадлежность. Этническая атрибуция носителей культуры Гава решается осторожно, при этом многими, как венгерскими, так и другими зарубежными учеными исключается их фракийство. Исходя из этого, с археологической позиции, фракийство культур типа Голиграды и Кишинев-Корлатэнь можно поставить под сомнение.

В.Н.ТОПОРОВ

(Москва)

ФРАКИЙСКИЙ ВСАДНИК В СВЕТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Схема композиции так называемого фракийского всадника (Ф.в.), фиксируемая прежде всего надгробными и вотивными барельефами (в центре – конный всадник с копьем, палицей или бичом в поднятой руке; рядом алтарь, иногда с пламенем, и дерево, вокруг которого извивается змея; под конем – собака, вепрь, лев и т.п.; сзади коня – женщина или кто-то типа помощника; предметы – венец, чаша, сосуд, светильник, стол, столп; животные – заяц, лань, орел, рыба; символические классификаторы – Солнце, Луна, звезды; яйца и т.п.), в ой ст в е н на в том отношении, что она отражает как "исторически" преходящее, синхронное барельефу, так и то, что относится к архаичному прошлому, к истокам. В этой последней перспективе несо-

мненна связь композиции Ф.в. со схемой мирового дерева, подвергшейся существенной трансформации (дерево перемещается из центра вправо, человеческая фигура соединяется с животным, в данном случае - с конем и оказывается в центре, симметрия разрушается и т.п.). Если схема мирового дерева "объективна" и говорит о главном сакральном символе данной традиции, ее универсальном образе, то композиция Ф.в. "субъективна": на первом месте оказывается не объект культа, а средство реализации его (жертвеннное животное) и, главное, субъект культа - всадник, который в следующий за изображаемым отрезок времени в качестве жреца-царя совершил жертвоприношение. Внимание с целей ритуала переключается на сам ритуал - на жертву и жреца, а тема жизни, смерти и бессмертия оказывается переакцентированной. В этой перспективе Ф.в. уже не столько вождь с "войинской" (по Дюмезилю) функцией (хотя и она бесспорна, как несомненны и ее истоки - сюжет "основного" мифа о поединке Громовержца, соответствующим образом вооруженного, нередко конного, с его противником - змеем, ср. змея при дереве в композиции Ф.в.), сколько царь - жрец, которому предстоит совершить жертвоприношение, т.е. совершить "святое", поскольку святы и сам он и жертва. Таким образом, если юро^с продолжает образ архаичного жреца, участнившего в жертвоприношении, то и конь должен трактоваться как жертвеннное животное.

В связи с этим предположением рассматриваются данные, относящиеся к конскому культу у "конелюбивых" фракийцев, анализируются некоторые "конские" имена и обозначения ('Ιππημολυός, Οἵτεσπιος - Οὔτεσπιος, 'Ρῆσος & Ἰππος и т.п.), предлагаются соответствующие реконструкции - иногда вплоть до и.-е. горизонта (*rēg'-&*ek'ю-, фиксируемое в ряде и.-е. мифопоэтических и языковых традиций). Для определения роли коня в духовной жизни фракийцев, прежде всего в религиозно-мифологическом и ритуальном аспектах, важное значение имеют как данные об общем характере (объектом культа и жертвоприношения конь мог стать только после доместикации его и освоения верховой езды - Причерноморье и Балканы, не ранее III тыс. до н.э.), так и данные в нешнее сравнения, относящиеся к родственным и, более того, территориально близким или даже смежным традициям. Среди последних особое значение

имеет ведийский ритуал жертвоприношения коня "ашвамедха", в сложившейся форме известный по "Ваджасанеи-самхите", "Шатаптха-брахмане" и другим текстам. Выдвигается идея, согласно которой схема Ф.в. не что иное, как "изобразительная" транскрипция ритуала подобного ашвамедхе, являющейся царским и м обрядом (ср. фигуры царя и царицы, принимающих участие на разных стадиях ритуала ашвамедхи, и соответствующие фигуры на фракийских барельефах – особенно важно сопоставление вед. *mahiśī*, царицы, вступающей в соитие с конем, с фракийской "царицей" типа микенск. *Potniāi hiqueiai* (Dat.), конской госпожи; "конские столпы" в ведийском ритуале и столы или дерево в фракийском, роль жертвенных сосудов, связь с идеей годового цикла и годового плодородия и т.п.). Сопоставление письменного и "пластического" текстов с несомненностью свидетельствует об их происхождении из единого прототекста, описывающего архаичный годовой ритуал жертвоприношения коня, о том, что композиция Ф.в. представляет собой "изобразительную" проекцию ритуала сходного типа, наконец, о правдоподобной связи названия Ф.в. ḥṛwa с идеей года, его начала, связанного с плодородием (и.-е. *iērō- : *iōrō-); в таком случае "Гера" (Гера), жена громовержца Зевса, оказывается связанной с образом "царицы" – ḥra (: ḥr̥yōs), отраженной в композиции Ф.в.

С.Р.ТОХТАСЬЕВ
(Ленинград)

THRACICA 2: "АРУЛАЛAI И ДРУГИЕ

Эфор (FGrHist 70 F 134), передающий кумское предание о прорицалище мертвых Авернского озера, сообщает, что его служителями были некогда киммерийцы, обитавшие в подземных жилищах, называемых ἄρυελλαι. Это же слово, правда в другой орографии (*ἄρυελλαι*), и с тем же значением приводит Eustath. in Dionys. 1176. Сюда же относят и макед. глоссу ἄρυελλα 'банное помещение' (Suid.). Первые две лексемы обычно считают греческими, а ἄρυελλα – принадлежащим к тому слову макед. лексики, который объединяет македонский язык с греческим (< *āryeļja, ср. ἄρυελος 'белая/ глина'). Распространено, однако, и другое мнение: ἄρυελλα – киммерийское слово, а киммерийцы, как считают некоторые исследователи, были фракоязычными; в паре с макед. глоссой оно может указывать на "балканское"

происхождение последней, что подкрепляется рум. (якобы из фрак.) *argea* исходное значение 'землянка' и алб. *ragal'* конура собаки'. Последнее, впрочем, было убедительно элиминировано из аргументации данной гипотезы ее же приверженцами (см. Гиндин-Калужская - СБЯ 1984, 34 сл.), но и с остальными доказательствами здесь далеко не благополучно: свидетельство Евстафия по существу игнорируется; *ἄρυλλας* Эфора, конечно, греческая, специально - кумская гlossen, ведь "киммерийцы" Аверна, как давно показано (E.Rohde. Kleine Schriften I /1901, s. 91), не более, чем результат характерного для Великой Греции стремления локализовать одно из приключений Одиссея (*νέκυια*), наложившегося на подходящую геофизическую специфику авернской местности. Анализ свидетельства Евстафия показывает, что он считает *ἄρυλλας* не просто греческим словом, но именно аттическим; Евстафий черпал лексикографический материал из аттических словарей Элия Дионисия и Павсания (происхождение гlossen из Эфора, *τερ.* Страбона, исключено). Существенно отметить, что основатели Кум прибыли туда с соседней с Аттикой Эвбеи.

Если принять мнение - а ему, по существу, ничто не противоречит - о др.-греч. происхождении рум. *argea* (G.Giuglea. - DR X, 1948, 404), отпадает всякая необходимость предполагать "балканское" происхождение также и макед. слова.

Гиндин и Калужская (Ук.соч., 31 слл.) выдвигают в защиту оспариваемой здесь гипотезы остроумные сопоставления с фрак. *ἄρυλος* 'мышь' при МН *Ἄρυλος* (город на Стримоне), ср. *σμύνθη* и МН *Σμύνθη/-ος*, russk. dial. мышина 'мышья нора' и т.п. Однако, очевидно, что эти соображения не могут перевесить не вызывающий сомнений греч. атрибуции гlossen у Эфора и Евстафия. Фрак. *άρυλος*, кстати, может принадлежать иной ветви продолжений и.-е. *arg'-, нежели *άρυελλας* и проч., ср. греч. *άρυψ* (*ὅφις*), *άρυλεψ*/-*ιφ* (о змее) и особенно *άρυβλας* 'вид змей' (Chantraine I, 104a.) - явно с тем же деминутивным суфф. *-ι-, характерным в греческом для названий небольших животных, рыб, птиц, насекомых (*κορθέλη*. *όρχιλος*, *πεπραδέλη*, *πριγόλης*, *σπινδύλος*, *φρυγίλος* и т.п.); здесь корень *άρυ-* сочетает в себе, видимо, оба значения - 'светлой/блестящей окраски' (ср. russk. белка) и 'быстроты'.

В конечном счете настоящую трудность вызывает лишь ре-

альная интерпретация макед. слова: необходимы археологические (или хотя бы этнографические) подтверждения тому, что под ба-
нью могли быть использованы (полу)землянки. Глосса ἄργιλος:
σημιτές γῆ, ἥ λευκημένος (Нев.), на которую в этой связи об-
ратили внимание Гильтен и Калужская (Указ.соч., с.30), не про-
ясняет дела вполне, т.к. в качестве моющих средств греки ис-
пользовали преимущественно разные виды глины (см., например,
χύμωλα γῆ, κούβα, σμήμα, σμήματα и σμήτης и др.),
а ἄργιλος служило обозначением вообще всякой глины.

Или ἄργιλλα это 'место, где мылятся, мыльня'?; тогда при-
дется отказаться от непосредственного сопоставления с ἄργι-
(λ)α, признав эти слова лишь словообразовательными омонимами.

А.В.УРУШАДЗЕ
(Тбилиси)

ПРОБЛЕМА ДОГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И СООБЩЕНИЯ
АНТИЧНЫХ АВТОРОВ О ДРЕВНЕЙШЕМ ОБИТАЛИЩЕ
КАВКАЗСКИХ МАКРОНОВ

А.ФОЛ
(София)

ДОКЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ И МИР ФРАКИЙЦЕВ

В I тыс. до н.э. в Китае, Индии и Греции произошли куль-
турно-исторические перемены, оказавшие решительное влияние
на дальнейшее развитие Азии и Европы. Эти перемены и, прежде
всего "греческое чудо" (Э.Ренан), исследовались и продолжают
исследоваться с различных исходных позиций, что, впрочем,
вполне закономерно, поскольку "... Без того фундамента, кото-
рый был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной
Европы" (К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., т.20, с.185).

С точки зрения методики фракнологии и палеобалканистики,
разрабатываемой в настоящее время особенно активно культурный
переворот в Элладе в период после IX и до IV в. до н.э. мо-
жет расцениваться как совокупный результат взаимодействий,
достаточно ясно прослеживающихся в нескольких планах. Гипоте-
тически корни этих взаимодействий можно было бы искать в II
тыс. до н.э., однако не вызывает сомнений то, что проявились
они во II тыс. до н.э. и особенно во второй его половине.

В процессе исследований на первый план выступает этноге-
нетическая проблематика. Учитывая то, что становится все

труднее выявить в лабораторных условиях (языковые?) следы неиндоевропейского или так называемого доиндоевропейского населения Юго-Восточной Европы, предположение о наличии процесса индоевропеизации между Карпатами и Эгейским морем приобретает все большую ценность. В таком случае эллинизация наиболее развитых районов Балканского п-ова может считаться самым ярким проявлением этого процесса.

На второй план выступает этнокультурная проблематика: Юго-Восточная Европа и Малая Азия представляют собой исключительно активную контактную зону, где ясно прослеживается социокультурное и культурное сближение различных этносов. Некоторые из таких явлений во второй половине II и начале I тыс. до н.э. можно расценивать даже как культурный изоморфизм.

В-третьих, в контексте исследований можно говорить о пространственно-тэмпоральном континууме. Именно в рамках этого континуума осуществляются заимствования культурно-исторического характера между носителями сходных или близких систем ценностей. Такие заимствования возможны и в бесписьменной среде, какой была среда взаимодействия в Юго-Восточной Европе до появления древнегреческой литературы. Выбор определенного заимствования и его адаптация к данной системе ценностей может, однако, быть как синхронным, так и диахронным, т.е. заимствование могло происходить из современного культурного пласта или же от прошлого (унаследованных традиций) партнера.

И, наконец, четвертый план – культурно-информационное пространство. Его образуют те источники идей, образов, знаний и умений, которые питают процесс духовного синтеза в Элладе. Юго-Восточная Европа и Малая Азия располагают обширным культурно-информационным пространством. Здесь сеть источников подобных компонентов охватывает циркумпонтийские, малоазийские, переднеазиатские, месопотамские, островные, египетские и среднеевропейские земли.

Предлагаемая методика, по мнению автора, является подходящей для изучения взаимодействий между доклассической Грецией и миром фракийцев.

Д.ФРЕНЧ
(Анкара)

НЕГРЕЧЕСКИЕ ИМЕНА В СИНОПЕ
NON-GREEK NAMES AT SINOPE

It can be assumed that in the onomastic matrix of Sinope, particularly in the earliest period after colonization, there may perhaps be embedded native, non-Greek personal names, as, for example, non-Greek names (both personal and toponymic) are embedded in the surviving evidence from Hellenistic and Roman central Anatolia (Celtic, Phrygian, Hittite and other second-millennium survivals). It is interesting to note that one name, attested on ancient authority as Paphlagonian, is equally common among names from Roman Phrygia. Elsewhere I have drawn attention to the presence of central Anatolian pottery-artefacts on the Paphlagonian coast. What then does this evidence (onomastic and ceramic) leave as Paphlagonian? In this context one may point to the presence at Sinope of several personal names on fifth to third century B.C. gravestones. These names find numerous parallels in the epigraphic material of regions bordering the Black Sea. Should we therefore conclude that there was a strong non-Anatolian element at Sinope at that period, 5th - 3rd centuries B.C.?

Н. ДЕ ФРИС
(Амстердам)

РОЛЬ ФРАКИЙСКИХ ЖЕНЩИН В ГРЕЧЕСКОЙ ЭЛЛАДЕ

Т.В.ЦИВЬЯН
(Москва)

О СВЯЗИ ИГРА - РИТУАЛ (ИГРУШКИ - РИТУАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ)

В мифе о ребенке Дионисе, растерзанном титанами, есть эпизод "заманивания": титаны отвлекают мальчика разными, специально изготовленными или подобранными предметами - золотые яблоки (гесперид), зеркало, шерсть, гудящий волчок, ромб, мячики, игральные кости... (туробск. палирус, Фирмик Матерн., Клем. Алекс., Арноб.); эти предметы названы детскими игрушками, что, строго говоря, соответствует не их природе, а их функции в названном эпизоде. Клем. Алекс. считает их "непо-

требными символами" дионисийских мистерий; орфики и неоплато-ники развивают символику зеркала в связи с идеей расчленения/собирания, т.е. превращений Диониса; современный исследователь видит функцию "игрушек" в отвлечении жертвы при заклании от предстоящей ей гибели, что символизирует добровольность этого акта. Перечисленные и другие толкования этого эпизода видят в нем по преимуществу ритуал и ритуальные предметы ("символические игрушки" – Вяч.Вс.Иванов). Тем самым затушевывается пружина,двигающая сюжет: гибель мальчика, привлеченного возможностью "игры в игрушки", исчезает аспект *homo ludens*, в данном случае приобретающий трагическую окраску. Между тем этот аспект представляется далеко не случайным. Связь игра-ритуал (игрушки – ритуальные предметы) обычно рассматривается в диахронической последовательности (в двух направлениях: ритуал происходит из игры; игра представляет собой вырожденный ритуал). Здесь игра и ритуал представляют в динамическом единстве, допускающем разные повороты в толковании и разные направления развития. Эту множественность допустимо сопоставлять с множественностью Диониса. В этом смысле существенна семиотическая интерпретация набора игрушек-ритуальных предметов. Между двумя полюсами – обычные детские игрушки (мячик, волчок и под.) и *(мистическое)* зеркало, располагаются предметы с канонической мифопоэтической нагрузкой – яблоки Гесперид, шерсть и т.д. (что, кстати, бросает мифологический отсвет и на собственно игрушки). В данном случае особое внимание будет уделено звучащим предметам и прежде всего ромбу, звучащей игрушке, или древнейшему музыкальному инструменту (ромб представляет собой плоский продолговатый кусок дерева, кости или металла, который крутится на шнуре, другой конец которого привязан к руке или к специальной ручке; при вращении возникает *жуужащий* или *гудящий* звук). Его роль в архаическом ритуале (прежде всего инициационном) весьма значима: это не просто звуковое сопровождение, но и звуковое кодирование (ср. хотя бы шум как средство защиты от стихии враждебного; связь ромба и *иупх*, идея круга – круговорачательного движения – , т.е. непрерывности, вечного возвращения, переданная на звуковом уровне, и т.п.). Введение упорядоченного, ритмизованного звучания (и ромб, и гудящий волчок, подгоняемый кнутиком, предполагают ритм, со-

ответствующий внутреннему ритму человека) может указывать на пред-музыку, связанную с Дионисом (ср. Дионис Бромиос). Сочетание движения и звука (движение под аккомпанемент/звук; подчиненный движению/ритму) отсылает, среди прочего к тиасосу Диониса. Игра и музыка, ритуал и музыка сплетаются, ср. сочетание игры, танца и музыки в др.-греч. *ἴερον* и *ταΐσσω*, где прибавлен компонент "детского". Эта связь игры/ритуала с ребенком, особо подчеркнутая в рассматриваемом эпизоде, может вводить еще и идею начала, истоков, а на операционном уровне – идею обучения.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ
(Москва)

ФРАКО-ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ ФОРМУЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Среди выявленных Л.А.Гиндиным (1973; 1981) хетто-лувийских заимствований во фракийском выделяются имена-композиты, отражающие архаичные теонимические формулы.

1. Фрак. МН *Siamaus*, ЛИ *Τιάραονς* – согласно Гиндину, из *Siwa- resp. *Tiwa-Mawa(w), где *Tiwa-/*Siwa- ~ лув. *Tiwat* 'Бог Солнца', хет. *šiu*, 'бог', *šiway* 'день' < и.-е. *diēw-, а Ma(w) – имя анатолийской богини-матери. Мы уже отмечали (Цымбурский 1982), что отождествление последней с богиней Земли, не только предполагавшееся из-за фриг. МН *Γδανυμᾶς*, но и прямо отраженное в гlosse *μῶν*·γῆ. *Λυδού*(Hes.), дает основание видеть в композите *Tiwa-Mawa древнее теофорное двандва 'Небо-Земля', ср. др.-инд. *djau-prthivi*, хет. *nepiš-daganzipa* и т.д. Фрак. МН *Tiutiamenus* (*vicus*) может быть точной параллелью к *Tiwa-Mawa(w) из *Tiwa-Tiam-(enos) 'Приналежащий божествам' Неба и Земли' с *Tiam- ~ лув. *ti-jami* 'Земля', анат. теоним *Μὴν Τιάμου*. Речь идет о версиях архаичной хетто-лувийской теонимической формулы, сохраненных только во фракийской передаче.

Но число фрако-хетто-лувийских формульных соответствий, сочетающих идентичность семантико-сintаксических моделей с генетической или ареальной общностью лексических элементов, несводимо к прямым заимствованиям.

2. Эпиклеза Гефеста или Хароса *Δαβατολεως* – по Гиндину, из анат. *Tabata-pija 'Данный Горой', ср. лид. *τέβα* 'скала' (St.Byz. s.v. *Τέβος*), хет. ороним *Tabala* и проч., особенно ЛИ *Dabala*-^dU 'Бог Грозы с Табалы', – интерпретация, дающая

нам ключ и к истолкованию прозвища бога-всадника **Вару́бен**-
θης < *Bherg'hi-g'ento 'Рожденный-на-Горе' или 'Город'.
Итак, для фракийского восстанавливается существование имени
"горнорожденного" бога в двух вариантах – "анатолийском и ту-
земном, при том что первый также зафиксирован только во Фра-
кии.

3. Для обоих компонентов хет. ГН **Hiššaš-ħaraš** указыва-
ются (Rozenkranz 1966) "древнеевропейские" гидронимические
соответствия – лит. Aise, умбр. Aesis и проч. из и.-е.
*Heis/*Hois-, др.-инд. eśa 'быстрый' и т.д., с другой сторо-
ны – ЛТШ. Abava и др. из и.-е. *Hab-/Нар- 'вода'. Однако
цельноформульных аналогов к сочетанию **Hiššaš-ħaraš** в "древне-
европейском" ареале не засвидетельствовано. Между тем, троян.
ГН **Aīσt̪pōs**, неотделимый от фракийских форм – ГН "Апос, Σέλ-
απα, Μόβυδ-εκα и т.д., – несомненно, восходит к и.-е. *oīs-
apōs resp. *Hois-Haros 'Быстрая Вода' (Georgiev 1957), ср.
виж. ГН Aesius, Aeuyros, подтверждающие сохранение на южной
периферии фракийского ареала гидронимических рефлексов осно-
вы *Ais < *Hois-. Очевидно точное лексическое и структурное
соответствие формул – хеттской из словосочетания *Hisos Ha-
ros и троянско-фракийской из эквивалентного композита *Hois-
Haros (ср. еще ЛИ **Aīσ-ώκος**, по греческой традиции, "Фригий-
ского" происхождения).

4. Фрак. -κειλας, -κιλας, -κειλης в ЛИ **Гενύ-κειλας**,
Βειθυ-κειλης и т.д., без признанного этимологического объяс-
нения, заманчиво сблизить с хет. hila 'двор' (также hilamar
'вход', лик. qla 'храм') в составе ЛИ **Hiłja, Hila-maddu,**
Hela-^dKAL 'Бог-Зашитник Двора', далее килик. Трохон-γιλα-
νης < *Tarhunt-hilani 'Вход (?) Бога Грозы' (Houwink 1961),
писид. Кελλι-μωτας < *Hila-muwatta'Мощь Входа (Храма?)',
греко-памф. Κιλ[ι]-μαχος 'Бьющийся у Входа (?)', ср. греч.
Πυλαι-μενης, Πυλή-μαχος. Происхождение термина неясно, по
О.Герни – сирийское из-за фиксации bit hilani уже в древнем
Мари (к сожалению, не выяснено значение хур. hilas, hilana).
Вероятно продолжение в этр. Mera Cilens, эпиклезе Минервы
на антефикс храма в Больсене, также ср. Cilen, Cilens,
теонимы на печени из Пьяченцы, позиционно отвечающие обитали-
щем божествам входа (Янус и Janitores terrestres) по Марциану
Капелле и сопоставимые с хет. **Hiłan-zipa** именем 'Гений Дво-

ра (или Входа)'; гипотезу о Килен-Янусе см. (Немировский 1986) без анатолийских параллелей.

На этом фоне сближение хетто-лувийских и фракийских форм особенно примечательно из-за возможности в ряде случаев говорить об их эксклюзивном цельноформульном параллелизме. Например: I) фрак. Διον-κειλας 'Вход (?) Небесного Бога' ~ анат. *Targhunt-hilani; 2) фрак. Γενъ-κειλας, Κελη-γενθης, где второй член из и.-е. *ghʷen- 'бить', ср. фрак. γέντον 'тὸ κρέας 'мясо', т.е. 'убоина' ~ памф. Κιλη-μαχος 'Бьющийся у Входа (?)'; 3) поскольку фрак. Βειθυ-, в силу соотношения ЭИ Βει-θυνος : θυνος, возводится к *bhi-tou- 'быть мощным', др.-инд. taviti и др., то ср. Βειθυ-κειλης 'Мощный Вход (?)' ~ анат. *Hila-muwatta (к реконструкции фрак. *bi = алб. ꙗbe, греч. ἄμφι и т.д., см. еще ЛИ Βει-κειλης ~ греч. 'Αμφί-κυλος.

5. Греч. теоним Διεύ-нос (мик. di-wo-nu-so, вар. Διεύ-νοσος, Δειβνοσος, Διονος и т.д.), связанный с фрако-фригийским миром (имя Семелы и проч.), при явной праформе вроде *D(e)iuos-nūs(o) не находит надежного объяснения кроме начальной части – из и.-е. *dei̥os, *diēus 'бог, небо'. Как мифологическое осмысление 'бог горы Нисы', противоречащее порядку элементов композита, так и мотивируемое греческим сюжетом ('сын Зевса') выведение *-νοσος 'сын' в качестве метатезы *sunus (Szemerényi 1971) или "мужского" соответствия (!!) к *ενιζος 'сноха' (Kretachmer 1890) – не выдерживают критики либо в формальном, либо в семантическом плане. В этой связи примечательно по структуре др.-хет. ^dŠiu-šummiš, ^dŠiuna-šummiš, теоним в надписи царя Аниты (ХУШ в. до н.э.), сейчас стабильно толкуемый как 'Бог-Наш' (Otten 1959, 1964, Neu 1974: 'Солнцебог-Наш' (?); Starke 1979; Иванов 1977, 1980). В свете демонстрируемой этой формой теонимической модели "рефлекс и.-е. *dieu-/*dei̥o- плюс притяжательное местоимение" встает вопрос: нельзя ли предположить в конечной, неясной части имени Диониса также отражение энклитического местоимения I-го л. мн.ч., восходящее либо прямо к и.-е. *pos, либо к форме вроде балтийских (лит. пайси, др.-prus. pouison), испытавших в огласовке влияние 2-го л. мн.ч.? Толкование имени Διεύ-нос < *D(e)iuos-nūs(o) 'Бог-Наш' давало бы еще одно яркое фрако-хетто-лувийское формульное схождение в сфере теофорной номинации.

Анализ этих случаев обнаруживает не только большое значение данных хетто-лавийских языков для реконструкции синтагм-микроконтекстов, заключенных в ряде фракийских ономастических композитов, но также – и это может быть еще важнее – исключительную ценность самих этих микроконтекстов для уточнения культурно-исторических и лингвистических аспектов проблемы "Хетто-лавийцы и народы Северных Балкан".

Е.Н.ЧЕРНЫХ
Л.Н.АВИЛОВА
(Москва)

АНАТОЛИЯ И БАЛКАНЫ: МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ (У-П ТЫС. ДО Н.Э.)

Изучение древнейшей металлургии в крупных исторических регионах дает возможность ставить проблемы, выходящие за рамки традиционно формулируемых в археологии. В частности, появляются основания для построения общих моделей социально-экономического и культурного развития на широких территориях и для целых хронологических эпох, что особенно ярко проявляется при компаративных исследованиях.

Результаты предлагаемой работы базируются на изучении металлургии Балкан и Анатолии эпохи раннего металла в У-П тыс. до н.э., т.е. медного века (МВ) и раннего, среднего и позднего периодов бронзового века (РБВ, СБВ и ПБВ). Работа проводилась в разное время, но по единым методическим принципам и в единой хронологической системе, основанной на радиокарбонных датировках. Базой исследования явились по возможности максимально полные сборы металлического инвентаря и литейных форм с территории Болгарии и Турции (всего более 5000 изделий). Характеристика металла и металлургического производства основывалась на морфологическом анализе, химическом составе металла, количественном распределении по хронологической шкале и по соотношению с типами памятников.

Металлургия Анатолии отличается в Старом Свете феноменально ранним появлением медных изделий (УШ-УП тыс. до н.э., докерамический неолит). Однако последующая длительная хронологическая эпоха (МВ, У – первая пол. ІУ тыс. до н.э.) характеризуется парадоксально вялым развитием. В РБВ (вторая пол. ІІУ – нач. ІІ тыс. до н.э.) появляются новые типы изделий, но масштабы производства все еще весьма невелики. Период СБВ

(вторая пол. III тыс. – I/II вв. до н.э.) характеризуется взрывоподобным ростом масштабов производства металла, в том числе золота, и огромным разнообразием форм инвентаря. В ПБВ наблюдается резкое падение количества и разнообразия типов изделий.

Балканская металлургия начинает развиваться позже, с У тыс. до н.э. (МВ); одним из наиболее вероятных импульсов для ее возникновения считается анатолийский; однако почти с момента возникновения ей присущ огромный масштаб производства, равного которому нет в Старом Свете. Совершенны формы орудий и технология их отливки. По сравнению с МВ последующая эпоха РБВ выглядит резким упадком. В СБВ наблюдается постепенный рост производства, не достигающий, однако, мощности производственных центров в соседней Анатолии. На период ПБВ приходится новый значительный взлет производства.

Изучение обоих регионов с точки зрения сходства и различия металлургии в У–П тыс. до н.э. приводит к выводу о существовании трех основных периодов. Первый (МВ) отличался ярко выраженным контрастом во всех основных чертах производства. Второй период (РБВ и СБВ) характеризовался принципиальным сходством базовых черт металлургии и металлообработки; это единство было выражено гораздо более ярко на ранней фазе периода (РБВ). Третий период (ПБВ) вновь демонстрирует резкий контраст в этих областях экономической жизни балканских и анатолийских культур.

Удовлетворительное объяснение подмеченного явления кроется в том, что для каждого из периодов наиболее значимой чертой стало формирование громадных производственных систем – металлургических провинций со специфическими чертами производства. В эти провинции попаременно входили производственные центры обоих сопоставляемых регионов. Для МВ самым выразительным событием явилось создание Балкано-Карпатской МП; Анатолия была в изоляции от ее ведущих очагов. В эпохи РБВ и СБВ и Анатолия, и Балкано-Карпатье оказались включенными в гигантскую Циркумпонтийскую МП – безусловно, центральную систему Старого Света для второй пол. IV – нач. II тыс. до н.э. Это и обеспечило значительно морфологическое и технологическое сходство металлургического производства в обоих регионах, а также принципиальное единство в темпах и направ-

ленности развития. В ПБВ Балкано-Карпатье являлось уже юго-восточной частью чрезвычайно мощной Европейской МП. Анатолийские центры вновь оказались за пределами этой динамичной системы: в Малой Азии продолжалось использование прежних форм и технологических приемов. Однако разнообразие их существенно уменьшилось, практически не наблюдалось принципиальных инноваций.

А.Б.ЧЕРНЯК
(Ленинград)

КЕКАВМЕН О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАХОВ

Οὗτοι γάρ εἰσιν οἱ λεγόμενοι Δάκαις καὶ Βέσσοι. "Φκουν δὲ προτερον πλησίον τοῦ Δακούνθίου ποταμοῦ καὶ τοῦ Σάου, ὃν νῦν ποταμὸν Σάβαν καλοῦμεν, ἐθύα Σέρβοις ἀρτίως οἰκοῦσιν, ἐν ὁχυροῖς καὶ δυσβάτοις τόποις. Τούτοις θαρροῦντες ὑπεκρινούτο ἀγάπην καὶ δούλωσιν πρὸς τοὺς ἀρχαιοτέρους τῶν 'Ρωμαίων βασιλεῖς καὶ ἔξερχομενοις τῶν ὁχυρωμάτων ἐλεῖζοντο τὰς χώρας τῶν 'Ρωμαίων. "Οθεν ἀγανακτήσαντες κατ' αὐτῶν, ὡς εἶρηται, διέφθειραν αὐτούς. Οἱ καὶ ἐξελθόντες τῶν ἐκεῖσε διεσπάρησαν ἐν πᾶσῃ τῇ Ἕπειρῳ καὶ Μακεδονίᾳ οἱ δε πλείονες αὐτῶν ἔκησαν τὴν 'Ελλάδα.

"Ведь влахи являются так называемыми даками и бессами. Раньше они жили близ рек Дуная и Савой, который ныне мы называем рекой Савой, где теперь живут сербы в безопасных и недоступных местах. В надежде на это они прикидывались друзьями и рабами древних римских императоров и, выходя из своих укреплений, разоряли земли римлян. Поэтому-то, как сказано, римляне, разгневавшись на них, разгромили их. Уйдя из тамошних мест, влахи рассеялись по всему Эпиру и Македонии, а большинство их поселилось в Элладе" (текст и перевод по: Литаврин Г.Г. Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972, с. 268-272).

Предлагаемый пассаж является важнейшим свидетельством по этногенезу влахов Балканского п-ова и как таковой упоминается почти во всех работах, сколь-нибудь подробно затрагивающих указанную тему. Он, однако, очень непрост для понимания, может быть, именно в силу нестандартности содержащейся в нем информации. В ней вычленяются три момента: 1) отождествление влахов с даками и бессами; 2) локализация их прародины и 3) объяснение причины их миграции в нынешние места расселения.

Пункт (1) однозначен и требует только чисто исторического комментария. Относительно пункта (2) между исследователями существуют расхождения, что отчасти обусловлено неточностью самого источника, казалось бы, характеризующего как "безопасную" и "недоступную"... паннонскую равнину. В качестве альтернативы обычно выдвигается Аврелианова Дакия, т.е. провинции Прибрежная и Внутренняя Дакии (Д.Ончул, С.Романски, Е.Дарко, Т.Цанкова-Петкова, М.Дъони, М.Русу). Точно также по пункту (3) наряду с походами византийских императоров (С.Денсушану, Е.Дарко, М.Русу) некоторые выдвигают в качестве объяснения походы венгров (Б.П.Хашжеу, Н.Дрэгану, С.Брезяну), печенегов (Е.Стэнеску) или славян (С.Брезяну).

К сожалению, приходится констатировать, что дискуссия по поводу вышеупомянутых пунктов имеет тенденцию смещаться с собственно интерпретации, т.е. восстановления того, что хотел сказать Кекавмен, к той или концепции этногенеза а- и мегленорумын, как бы подставляемой в текст византийского историка конца XI в. На этом фоне немногие попытки текстологического анализа выделяются своей обоснованностью и убедительностью. Это в первую очередь Й.Пич (*Pic J. L. Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage. Leipzig, 1886, 36*), по мнению которого, Кекавмен имел ввиду под (3) войну Траяна с Декебалом, причем совмещение Дакии Декебала с Дакией Аврелиана произошло в сохраняемых пиндскими влахами преданиях, легших в основу сообщения византийского историка. М.Дъони в своей известной статье в *Revue d'histoire comparée. Budapest, 1945, t. 3, p. 97-180* предпочитает в первом случае говорить о книжной традиции (Кекавмен явно использовал компендий "Римской истории" Диона Кассия, составленный Ксифилином), а смешение обеих Дакий относит на счет незнания самого автора (р. 171-173). Конечный вывод венгерского историка: кекавменова предыстория влахов не имеет с исторической точки зрения никакой доказательной силы. Это негативное заключение, на наш взгляд, следует принять с одной лишь маленькой поправкой: Кекавмен виноват не в том, что он спутал две разные Дакии, право- и левобережную, а скорее в небрежности и чрезмерной приблизительности, проявленной им при описании Дакии как лежащей "близ рек Дуная и Савы". Может быть, историк просто не имел в своем распоряжении других географических ориентиров, в ча-

стности, не знал топонима "Карпаты", который, кстати, отсутствует в индексах второго и третьего томов *Izvoarele Istoriei României*. (*Fontes historiae Dacoromanae*), т.е. он был малоизвестен византийцам, но и в этом случае он мог бы указать, что родина даков находилась по ту сторону Дуная. Если мы примем это предположение, то фразу "где теперь живут сербы" придется понимать как географическую глоссу – видимо, местоположение реки Савы современникам Кекавмена тоже было не очень известно – и, соответственно, заключить в скобки, как это уже сделал в конце прошлого века В.Томашек.

И.Т.ЧЕРНЯКОВ
(Киев)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ КИММЕРИЙЦЕВ И ФРАКИЙЦЕВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

1. В последние годы в изучении этноистории Северного Причерноморья возобладало гиперкритическое отношение к сообщениям древних авторов о киммерийцах и их родстве с фракийцами. Этому способствовали культурно-хронологическая и этнокультурная неразработанность археологических источников рубежа II-I тыс. до н.э., увлечение модной гипотезой о срубной культурной принадлежности всех памятников от казахских степей до Дуная, неизученность поселений эпохи бронзы. Даже оптимистическая монография А.И.Тареножкина о киммерийцах не смогла сломить скептицизм относительно археологических реалий киммерийцев, поскольку также базировалась на гипотезе о срубной принадлежности памятников эпохи бронзы Северного Причерноморья, соотносимых с иранским этносом.

2. Изучение археологических памятников позднебронзового века в настоящее время привело к выделению в Северном Причерноморье отдельных, генетически не связанных со срубной, таких культур как сабатиновская и белозерская, а также синкетических по происхождению раннекочевнических погребений, отождествляемых с письменными киммерийцами и ранними скифами II в. до н.э. Названные археологические культуры охватывают полный комплекс археологических памятников от ХУ до УШ вв. до н.э., имеют единую генетическую линию развития материальной и духовной культуры, что позволяет идентифицировать их с историей одного этнического массива – киммерийцев. Ближневосточные и греческие письменные источники начала I тыс. до н.э. отно-

сятся лишь к заключительному этапу истории киммерийцев, по аналогии сравнимые со сведениями, например, о скифах начала нашей эры.

3. Сабатиновская культура (ХV-ХI вв. до н.э.) является одной из ярчайших среди культур позднего бронзового века Европы. Она представлена 1,5 тыс. поселений, большим количеством кладов бронзовых изделий и литейных форм. Территория распространения ее памятников включает степную зону от Дуная до Приазовья, включая Крым. Исследованы поселения с центрами бронзолитейного, косторезного, кожеобрабатывающего ремесла, специальных сушил зерна, с развитым каменным домостроительством и сложной системой планировки, сравнимой с городскими центрами Анатолии и Микенской Греции второй половины II тыс. до н.э. и соотносимой с сообщением Гомера о "городе людей киммерийских" (Вороновка, Степовое, Виноградный Сад, Ташлык). Комплекс материальной культуры сабатиновских памятников (керамика, изделия из бронзы, кости и др.) настолько близок к таким культурам Балкано-Карпатского региона, как Ноа и Кослоджени, что некоторые исследователи объединяют их в одну культурно-историческую общность (А.Флореску, С.Моринц). Мощнейший в Юго-Восточной Европе красномаяцкий очаг металлообработки сабатиновской культуры всецело связан с балканскими и карпатскими металлургическими центрами бронзового века (Е.Н.Черных). Многочисленные типы предметов вооружения (кинжалы, мечи, наконечники копий, стрел, шлемы, круглые деревянные щиты, обтянутые кожей), конского снаряжения (несколько типов бронзовых псалий, бляхи), как и большое количество костей лошадей на поселениях, свидетельствуют о значительном развитии военного дела с большой ролью всадников у сабатиновских типов керамики и вооружения в памятниках Ахейской Греции – явное доказательство их походов в Средиземноморье и даже участия в движении "народов моря" (Н.Сандарс).

4. Памятники белозерской культуры (ХI-Х вв. до н.э.) являются продолжением развития сабатиновских племен на той же территории в условиях перехода оседлого земледельческо-скотоводческого населения к полукочевническому ведению скотоводческого хозяйства. Изменяется облик домостроительства с характерным распространением землянок и полуземлянок, уменьшаются площадь и количество поселений, появляются крупные кур-

ганные и бескурганые могильники, в которых выделяются богатые погребения племенной знати. Близка к белозерским памятникам и кобяковская культура на Нижнем Дону и Прикубанье (Э.С.Шарафутдинова). Комплекс белозерской культуры близок и синхронен к памятникам заключительного этапа нижнедунайских культур Кослоджени, Ноа а также Силену-Римнице, Бабадаг I, Троя II B₂, относящихся к культуре фракийского гальштата.

5. Археологические памятники IX–VIII вв. до н.э. представлены погребениями ранних кочевников пред斯基фского периода, материалы которых, с одной стороны, связаны с белозерской культурой и памятниками фракийского гальштата, а, с другой – с появлением новых элементов, характерных для Северного Кавказа, Сибири и Азии ("оленевые камни", предметы вооружения и конской сбруи). Отсутствие поселений, появление восточных элементов в степях Северного Причерноморья наряду с существованием погребений местного населения белозерского типа – археологические реалии, иллюстрирующие рассказ Геродота об уходе киммерийцев и приходе скитов в IX–VIII вв. до н.э.

6. Исходя из культурно-этнического анализа своеобразия и сходства археологических культур конца бронзового века Северного Причерноморья и Балкано-Карпатского ареала представляется возможным связать их с фракийской этнической группой, в которой киммерийцы занимали наиболее восточную ветвь. Они были близки не только по материальной и духовной культуре, но и языку. Выделенные археологические культуры представляют последовательные этапы развития киммерийского этноса. Несомненно, фракийские элементы раннекоренного века в культуре Боспора, Ольвии, Скифии своими корнями уходят в историю местного населения бронзового века.

7. Этническая линия развития степных культур Северного Причерноморья в бронзовом веке связана с двумя группами индоевропейцев – фракийской и иранской. Фракийская топонимика бронзового века в значительной мере стерта ираноязычной в эпоху раннекоренного века – во время существования Скифии. Отсутствие живых языков и сколько-нибудь систематического словаря умершей фракийской языковой группы в отличие от сохранившихся языков иранской группы заставляет признать археологические памятники главнейшими источниками для восстановления границ фракийцев и иранцев на территории Восточной

Европы.

Ф.В.ШЕЛС-КОВЕДЯЕВ
(Москва)

О ЦЕНТРАХ МИГРАЦИИ ГРЕКОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

В античной литературе существуют две версии о происхождении основателей Гермонассы. Наиболее устойчивая традиция, восходящая в конечном счете при современном состоянии наших источников к Псевдо-Скимну и представленная также Дионисием Перизетом (ср. и латинскую версию Присциана) и Стефаном Византийским, говорит об ионийских переселенцах. Иные сведения

содержатся в извлечении из Арианова сочинения Вифиника, сохраненном для нас Евстафием, комментатором перизгесы Дионисия. Здесь рассказывается, что после смерти во время основания полиса некоего митиленца Семандра, приведшего с собой в апойкию какое-то количество золийцев, его жена Гермонасса получила власть в полисе, который поэтому и был назван ее именем.

К сожалению, ничего нельзя сказать о мнении на этот счет Гекатея, хотя из краткой справки Стефана Византийского совершенно ясно, что речь у него могла идти только о боспорской Гермонассе.

Версия Ариана сильно напоминает этимологическую легенду. Да и сообщение столь подробных сведений именно в Вифиника в сопоставлении с явно малой осведомленностью о Северном Причерноморье в целом в Ариановом перипле Эвксинского Понта (где Гермонасса, как и прочие полисы Тамани, вообще не упомянута) выглядит весьма странным. С другой стороны, филологический анализ текста Псевдо-Скимна позволяет предполагать, что автор этого перипла считал основателями Гермонассы, также как и Фанагории, выходцев из ионийского полиса Теоса, располагавшегося на лидийском побережье. Такая интерпретация может быть подкреплена и сопоставлением с перизгессой Дионисия. Однако, версия Ариана продолжает находить сторонников. В подобной ситуации всегда очень желательно привлечение независимых источников. И такой источник, причем – что особенно ценно – совершенно аутентичный, есть: это греческие граффити Гермонассы (в настоящее время их коллекция насчитывает около

сотни экземпляров). Одно граффито содержит даже элементы критского алфавита. Но при этом и в графике, и в языке этих надписей практически начисто отсутствуют эозизмы. В то же время надежно засвидетельствованы не только культуры (выбор которых всегда теснейшим образом связан с политикой) главного божества ионийцев и, в частности, ионийских переселенцев – Аполлона и его паредры Артемиды, но и такие маркированные эпиклезы этого бога, как Таргелий и Стефан. Обращают на себя внимание и характерные имена Гистиэй, Гистия, Гекатей (?), а также специфические особенности ионийского диалекта. Аналогичный материал дают и лапидарные надписи Гермонассы. Следовательно, предположение об эолийских основателях Гермонассы вряд ли имеет под собой основания.

И.В.ШТАЛЬ
(Москва)

СИНОПСКИЕ КЛЕЙМА ГЕКАТЕЯ СЫНА ПОСИДЕЯ
С ЭМБЛЕМОЙ МИФО-ЭПИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Анализ эмблем синопских клейм Гекатея сына Посидея: герой между двух лошадей и герой между лошадью и птицей – в сопоставлении с данными античного изобразительного искусства и нарративных источников позволяет, как думается, видеть в эмблеме эпизод мифо-эпического предания, а в герое – героя-эпонима местного племени, который и совершает подвиг в борьбе с врагом.

В.П.ЯИЛЕНКО
(Москва)

ИМЕННИК БУЛГАРО-ДУНАЙСКИХ КНЯЗЕЙ КАК ИСТОЧНИК
ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ БУЛГАР И УГРОВ

Согласно именнику (далее БДИ), до переселения на Нижний Дунай в середине II в. ряд князей правил 515 лет "обону страну Дуная", т.е., по данным Теофана, в восточном Приазовье. Расчет лет предполагает поселение булгар здесь во II в., что косвенно подтверждается автором IУ в. Мар-Абасом (у Моисея Хоренского), локализовавшим их в долинах к северу от Кавказа. Появление булгар в Северном Причерноморье сказалось на составе имен местных греческих надписей, дающих ряд соответствий БДИ. Давно отмечено, что имена Еспериих БДИ ('Ασπαρούχ у Теофана) соответствуют имена 'Ασφωρόβυος и 'Ασπούργος из

Ольвии и вост. Приазовья (I—III вв.). Добавим, что имени Умор БДИ (староболг. ОУМАРЬ, греч. Ούμαρος) соответствует имя «Омар с Тамани (У в., носр. *Ομρασμακος танаисской надписи 225 г.). К названию рода Дуло БДИ может быть возведено популярное в Танаисе III в. имя Доулак. С I в. в Приазовье господствовали аланы, восточноиранские мигранты из Прикаспия и Казахстана. Также и булгары пришли на Танаис из Центральной Азии (Михаил Сиринец). Иранский характер имен БДИ Аспарух, Севар и, может быть, Гостун (ср. Гастес боспорских надписей) показывает, что во II—IV в. этническая история приазовских булгар была связана с аланами.

Ряд имен БДИ имеет обско-угорские соответствия. К названию рода Вокиль ср. самоназвание зап. манси выкли, хант. wōtäl', wäyl'. К имени Винехъ ср. обско-угор. имя XVI в. Ванхо (при соответствии ъ - о, отметим присущее обско-угорскому чередование и - а, выпадение э непервого слога между согласными). Угры Подонья или Северного Кавказа впервые упоминаются под 626 г. Амартолом, однако взаимодействие их с приазовскими булгарами началось ранее, в гуннское время, на что может указывать связь этнонимов гуннов и угров. Последний связан с марийским јең < *jōŋg- 'человек', с обозначением обских угров зырянами ёгра < *jōŋg-ra (Серебренников), с перешедшим на сымских кетов этнонимом субстратного населения Ангара и Сыма јог, југ, вероятно, соответственным обозначению гуннов, которое реконструируется как *xīwɔŋ-иша (Карлгрен) или *hwɔŋg-pá (Пуллиблэнк). Возведение прозвания угров к форме без йотации *xwɔŋg-, которая могла иметь в венгерском языке I тыс. производные с утраченным x- и -w-, лабиализовавшим соседний гласный, объясняет особенности его фиксаций X—ХII в. Hugari, Węgri, Угри, Обүүрөс, Обүүрөс. Данная этимология позволяет думать, что обские угры входили в гуннскую Федерацию и вместе с ними появились в Причерноморье около 375 г. (Форма югра и др. восходят к йотированному имени гуннов).

Таманская надпись У в. КБН, I099 содержит имена, имеющие параллели в чувашском антропонимиконе, что может указывать на исход волжских булгар из приазовской Булгарии. Примером булгарско-угорского взаимодействия является термин яжан 'река', общий у чувашей и обских угров (Корнилов). Предание

о булгарах у Северного океана (византийская легенда о св. Клименте) может быть объяснено присутствием угорского элемента в булгарской орде. Следует также поставить вопрос о присутствии самодийцев в среде причерноморских гуннов и тем самым об их возможном участии в этногенезе приазовских булгар. Этнониму появившихся здесь в середине У.в. вместе с оно-гурами и сатагурами Обршъю (Приск Панийский), вероятно, соответственен этноним ненцев-юрakov. Само по себе это сопоставление, разумеется, ничего не значит, но оно может быть поддержано восточноприазовским гидронимом Ангелинский ерик, Ангелика, который вряд ли объясним иначе, чем через селькупское анга 'река со стоячей водой', эквивалент тюрк. ерик (ср. хант. äyel 'жерло морды (рыболовной снасти)', также селькупскую фамилию Ангалина).

В свете гипотезы Пуллиблэнка о енисейском ядре ядра гуннов представляются перспективными поиски енисейских элементов в языке булгар. Изложенное позволяет думать, что наряду с уже выявленными алтайскими элементами в этногенезе булгар принимали участие восточноиранские, обско-угорские и, шире, гуннские этнические элементы.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.С.Баин. Ранние фрако-анатолийские языковые связи: к проблеме интерпретации	3
В.Велков. К проблеме племен во Фракии в конце II – начале I тыс. до н.э.	4
Р.Георгиева. Поминальная практика во Фракии (конец II – I тыс. до н.э.)	4
Л.А.Гиндин. Значение данных фракологии в комплексе проблем индоевропеистики.	5
З.Гочева. Проблемы фракийского источниковедения.	9
Хр.Данов. Западная Малая Азия и греческая колонизация по берегам Древней Фракии.	10
И.Дуриданов. Значение лингвистических данных для вопросов этногенеза.	10
В.Д.Дяченко, Ю.А.Шилов, Н.Д.Довженко. Основные этнические группировки древней Юго-Восточной Европы.	10
Вяч.Вс.Иванов. О соотношении лингвистических и археологических аргументов применительно к роли Балканского ареала	12
А.И.Иванчик. О происхождении "киммерийской" топонимии Боспора.	14
К.Йорданов. Thracos-Scythica: политические отношения в конце VI – середине I в. до н.э.	15
Н.Н.Казанский. Микенское обозначение писца	17
В.П.Казанскене. Микенский термин <i>e-ge-ta-</i>	18
С.Калоянов. Городская жизнь на Балканах. Проблемы развития (I тыс. до н.э.)	20
И.А.Калужская, В.Л.Цымбурский. Некоторые северобалканские данные к предыстории греческого мифа об убийце Беллера.	22
Р.Кросслэнд. Место дако-фракийского среди индоевропейских языков в свете новейших теорий относительно распространения доисторических и.-е. языков	25
С.М.Крыкин. Фракийцы в античном Северном Причерноморье	25
Ц.Лазова. Фракийские реалии в античной литературной традиции (Абарис, Аристей, Анахарсис).	27
И.А.Левинская, С.Р.Тохтасьев. Древнееврейские имена на Боспоре	28

Н.Я.Мерперт, А.А.Молчанов. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции.	29
О.Я.Неверов, Н.Н.Казанский. Эгейский лентоид со знаками линейного письма А из собрания Л.Росса	32
В.Э.Орел. К проблеме албано-кельтских языковых отношений	34
Ю.В.Откупчиков. 'Εξαμπάτος и Ηγεμόνης	35
Б.Лаенковский. Сиррас - его этническое и политическое происхождение	37
М.Н.Погребова, Д.С.Раевский. Этногенез скифов: проблема согласования письменных и археологических данных.	37
Э.Поломэ. Балканы в свете взглядов К.Ренф्रью на рас-пространение индоевропейцев	38
А.В.Подосинов. Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агрrippы	39
К.Порожанов. Формы собственности в орфической Фракии .	40
Б.Н.Проценко. Балканская ономастика в Приазовье и Подонье	41
М.Сакеллариу. Новейшие теории о происхождении индоевропейцев с точки зрения данных об этногенезе древних греков.	42
Д.Самсарис. Фракийцы в греко-римский период	42
Л.А.Сараджева. Значение армяно-славянских лексических изоглосс для проблемы индоевропейского этногенеза . .	43
В.А.Сафонов. Об ареальном единстве протогреков и индоиранцев	44
Т.Н.Свешникова. Дакороманские представления о предводителях волчьей стаи.	46
В.М.Сергеев. Семантическая структура хозяйственного списка: подход к интерпретации текстов линейного письма А.	47
Г.И.Смирнова. Культурно-исторические взаимодействия Днестро-Сиретского междуречья и Балканского Подунавья на рубеже II-I тыс. до н.э.	50
В.Н.Топоров. Фракийский всадник в свете реконструкции .	51
С.Р.Тохтасьев. <i>Thracica 2: ἔργα λλάς</i> и другие	53
А.В.Урушадзе. Проблема докреческого населения и сообщения античных авторов о древнейшем обиталище кавказских мармонов	55

А.Фол. Доклассическая Греция и мир фракийцев.	55
Д.Френч. Негреческие имена в Синопе	57
Н.де Фрис. Роль фракийских женщин в греческой Элладе. .	57
Т.В.Цивьян. О связи игра – ритуал (игрушки – ритуальные предметы)	57
В.Л.Цымбурский. Фрако-хетто-лувийские формульные соответствия.	59
Е.Н.Черных, Л.Н.Авилова. Анатолия и Балканы: модели развития древней металлургии (У–П тыс. до н.э.)	62
А.Б.Черняк. Кекавмен о происхождении влахов	64
И.Т.Черняков. Археологические культуры киммерийцев и фракийцев в Северном Причерноморье во II тыс. до н.э. .	66
Ф.В.Шелов-Коведяев. О центрах миграции греков в Северо-Восточное Причерноморье в эпоху великой греческой колонизации	69
И.В.Шталь. Синопские клейма Гекатея сына Посидея с эмблемой мифо-апического характера.	70
В.П.Яйленко. Именник Булгаро-Дунайских князей как источник по этнической истории древних булгар и угров . .	70

Подписано к печати 16.09.88
Объем 4,75 п.л. Печать офсетная
Тираж 400 экз. Зак. 292

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция всеточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
З-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

96988

Ru